

АННА ОРЛОВА

АРОМАГИЯ

КНИГА 1

У всего на свете есть аромат

Анна Орлова
Аромагия. Книга 1
Серия «Защитная магия. Анна Орлова»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70281184
Аромагия. Книга 1 / Анна Орлова: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-198685-8*

Аннотация

Муж давно стал для Мирры чужим и далеким. Домашний тиран, который волен заводить интрижки, запрещать жене работать и даже отослать подальше их единственного сына.

Ей остается день за днем прозябать в холодном Хельхейме, находя утешение в магии трав и ароматов. Ведь Мирра творит чудеса: шепотка специй, капля эфирного масла, чуть-чуть настойки – и готовы рецепты от хворей и невзгод. Она исцеляет людей, ледяных драконов, даже великанов-хель!

Вот только себе самой она помочь не в силах.

Среди вечных снегов так легко замерзнуть сердцем, смириться с обстоятельствами, перестать бороться с глухой тоской.

Однако привычная жизнь разлетается на осколки, когда муж Мирры ввязывается в рискованную игру...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	67
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Анна Орлова

Аромагия. Книга 1

© Орлова А., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

Глава 1

Искусство

У всего на свете есть свой аромат.

Светлая улыбка ребенка словно благоухает молоком и ванилью. Первая любовь – будто глинтвейн с шоколадом на закуску: свежо, остро и сладко. Боль жалит сильнее крапивы. Любимое дело несет живительный аромат мяты, лимона и розмарина, вера – ладана, сандала и мирры...

Мое утро источает запах кофе и нетронутой ранней свежести, тающей в лучах солнца.

Я проснулась на рассвете. В этом не было ничего необычного: привычка вставать чуть свет осталась у меня с детства.

Взглянув на безмятежно почивающего рядом мужа, я вздохнула. Отучить его от храпа не удалось, и в итоге любая совместная ночь превращалась в пытку. Рулады то утихали, позволяя задремать, то оглушали... Сколько раз я просила Ингольва дать мне выспаться! Разумеется, у нас имелись отдельные спальни, но, выпив, он непременно являлся ко мне. И храпел от души, норовя к тому же заграбастать меня и притянуть поближе. От его дыхания короткие волоски на шее становились дыбом и пробирала невольная дрожь. Как тут спать?!

К тому же от Ингольва разило перегаром. За ночь я успе-

ла немного притерпеться, но теперь снова поморщилась. К зловонию примешивались нотки мяты – слабая попытка заглушить запах. Надо думать, это было своеобразное проявление заботы о моем чутком обонянии.

Я окинула взглядом спальню. В комнате было уже достаточно светло, несмотря на ранний час. Она как никогда напоминала сундучок с безделушками: резные деревянные панели, гора разноцветных подушек, массивные дубовые балки, свод крыши над головой, словно крышка. В изголовье висела странная поделка – изукрашенные рунами выросты. По утверждению Палла, нашего садовника, это был традиционный оберег его народности. Ингольв невзлюбил эту прелесть с первого взгляда, углядев в ней намек на собственные «рога», так что мне стоило больших усилий его успокоить.

Комната полукругом выдавалась вперед, к заливу, и за темными окнами тихо шептало и сонно ворочалось море... Здесь в воздухе всегда витали смолистые нотки дерева и солоноватые – воды.

Я осторожно выбралась из постели, игнорируя невнятный протестующий возглас, и заботливо укутала спящего мужа одеялом, хотя чувства мои в это утро были далеки от супружеской нежности. В конце концов, это по его вине я не выспалась и с трудом сдерживала зевоту!

Подойдя к шкафу, я провела пальцами по вырезанным на створках оленям – это творение верного Палла всегда поднимало мне настроение, – достала теплый халат и на цыпоч-

ках вышла.

Прокравшись мимо спальни свекра (что за нелепость – устроиться через стену от невестки, когда пустуют еще три спальни?!), я тихонько спустилась на первый этаж, сварила кофе на спиртовке и наконец с тихим вздохом уселась на подоконник, держа в руках чашку.

Люблю этот ранний час, аромат кофе и тишину...

Фыркнув, я едва не расплескала напиток. На первых порах после замужества мне немало пришлось вынести, чтобы отстоять эту маленькую традицию. Дескать, порядочные жены не должны просыпаться так рано, оставляя замерзающего супруга одного в постели, кофе – гадость несусветная, к тому же дорогая, а привычка сидеть на подоконнике и вовсе не вписывается в рамки приличий! Пришлось то улещивать супруга, то безобразно скандалить, но домашняя война закончилась моей полной победой. Правда, я не стала заставлять кухарку подниматься еще раньше хозяйки, чтобы приготовить «ненавистный» кофе, и всегда варила его сама.

С наслаждением вдохнув горьковатый аромат с нотками мускатного ореха и имбиря, я сделала первый, самый вкусный глоток и задумчиво уставилась на улицу. На втором этаже, в спальнях, окна выходили на залив, и смотреть на суровую гладь воды было куда приятнее, чем лицезреть серые камни построек, но была рада и этому унылому зрелищу. В тихих вздохах волн залива слышалось блаженное урчание, а снежинки, казалось, поднимались вверх от размеренного

дыхания мостовых...

К тому же наконец стало понятно, почему так светло: ночью выпал первый снег. Белая вуаль легла на Ингойю, и под первыми лучами солнца столица острова казалась невестой, с трепетом ждущей обряда. Хрустящий даже на вид, снег заботливо укутывал город, пах колкой свежестью, отдающей на языке перечной мятой и хвоей. Смыв этот привкус очередным глотком кофе, я с огорчением убедилась, что на дне чашки осталась только гуща.

Город еще блаженно спал под пуховым снежным покрывалом, лишь кое-где в лавках уже начиналась работа. В соседнем доме позевывающий повар мешал тесто и ставил в печь булочки, и над улицей плыло благоухание корицы и сдобного теста. Где-то служанка жарила рыбу, и от запаха горящего масла, скворчащего на сковородке, к горлу подкатывал ком. Из дома напротив тянуло эвкалиптом, ромашкой и малиной – видимо, обитатели простудились и теперь изводили запасы микстур и трав...

Красиво. Жаль только, что эта красота продлится совсем недолго: скоро город проснется, лениво потягиваясь или охая при взгляде на часы.

Нотки ароматов складывались в привычную симфонию мира. Люди привыкли обманывать зрение, а вот запахи не перебьешь. Забавно, кокетки идут на множество жертв ради красоты: разрисовывают лицо, с помощью корсета прячут следы чревоугодия, прикрывают шляпками и шиньона-

ми поредевшие волосы. Но за миловидным фасадом легко улавливался кислый запах обиды и горелый смрад зависти. Как будто грязь под ногтями...

Пока я размышляла об ароматах и нравственности, из своей комнаты показалась позевывающая Сольвейг – наша кухарка и заодно домоправительница.

Она кисло поздоровалась, поморщилась, заметив, что я опять сидела на подоконнике. Не сдвинувшись с места, я кивнула, и Сольвейг – еще довольно молодая женщина в неизменно сером платье – отправилась готовить завтрак.

Серым было у нее все. В дождь она сетовала на слякоть, снег терпеть не могла, потому что он слепил глаза, и даже солнце не любила, мол, «вредно для кожи!». Пища казалась ей невкусной, а в доме всегда было грязно... Словом, тот тип женщин, от которых пахнет уксусом, и никак иначе, несмотря на литры дорогих притираний.

Дом потихоньку пробуждался, заполняясь утренней суетой, как чашка – чаем.

Сольвейг, Сигурд и Уннер – слуги – бегали по дому, старательно пытаясь держать глаза открытыми, временами натывались друг на друга и на углы, шипя сквозь зубы, но упорно не просыпаясь. Ингольв и его досточтимый родитель, Бранд, изволили пребывать в дурном настроении, и от спален раздавался мощный глас моего супруга, недовольного состоянием своих сапог и боги знают чем еще. Ему вторил чуть визгливый голос свекра...

Преспокойно восседая в столовой с книгой в руках, я напоминала самой себе утес, омываемый бурным морем.

Не понимаю, отчего людям так тяжело просыпаться по утрам? В прохладном воздухе будто разлиты флюиды бодрости, силы еще не растрачены по пустякам, а настроение никто не успел испортить... Жаль, мое трепетное отношение к ранним часам мало кто разделяет.

Вот и сейчас пришлось быстро ретироваться. Отговорившись необходимостью привести себя в порядок, я подала знак смышленной горничной Уннер и удалилась к себе.

Девушка быстро уложила мои косы в немудреную прическу, тихонько напевая довольно фривольную песенку, и помогла мне облачиться в утреннее платье.

К завтраку я спустилась лишь тогда, когда голодные мужчины уже должны были подобрать от вкусной пищи, и приветствовала мужа и свекра лучезарной улыбкой.

Исподтишка окинув взглядом свое семейство, я вновь ощутила слегка притупившуюся боль: Валериан, мой единственный сын, уже третий месяц отсутствовал. Он отправился служить в кадетский корпус, и я до сих пор не простила этого мужу. Впрочем, теперь не время об этом думать.

Итак, за длинным столом мы сидели втроем, и я от нечего делать разглядывала своих мужчин. Мой муж, Ингольв, и его отец, господин Бранд, были похожи, как иланг-иланг второго сорта и экстра. Проще говоря, на одно лицо, но разного качества. Это любимый Ингольвом коньяк лишь выиг-

рывает с годами, а свекра время не пощадило. Муж, недавно отпраздновавший свое сорокалетие, сохранял безупречную военную выправку и чеканный профиль, хотя волосы с годами поредели, а на макушке образовалась лысина (которую он тщетно пытался скрыть, начесывая на нее оставшиеся волосы). А вот свекор расплылся, давно позабыв о воинской дисциплине и предпочитая тренировкам обильную вкусную пищу и мягкие подушки.

Впрочем, нрав у обоих был совершенно одинаков.

– Толку с твоих травок? – пробурчал Ингольв вместо приветствия, угрюмо созерцая свою тарелку. В его выпуклых голубых очах плескалась тоска. Он был иззелена-бледен и мрачен. – Похмелье и то снять не можешь!

Солдатская прямота, принятая в доме мужа, поначалу меня коробила, но за тринадцать лет можно привыкнуть к чему угодно.

Я пожала плечами, привычно скрывая досаду за вежливой улыбкой. Чуть приподнять уголки губ, опустить глаза в тарелку и следить, чтобы не звякнуть приборами громче положенного...

Ко мне приходили со всей Ингойи, а Ингольв по-прежнему считал аромагию блажью и шарлатанством. Обидно до слез, хотя надежда его переубедить давно угасла. Из дюжины с хвостиком лет супружеской жизни я вынесла твердое убеждение, что спорить с благоверным нужно как можно реже. Кому нужны лишние скандалы? Куда проще промолчать

– и поступить, как хочу. Впрочем, иногда вспыльчивый нрав берет свое...

– Хочешь, я тебе дам масло кедра? – не удержавшись, предложила я обманчиво миролюбиво. На вопросительный взгляд дорогого супруга безмятежно объяснила: – Чтобы даже запах алкоголя вызывал отвращение.

И, старательно сохраняя маску сочувствия, полюбовалась на обрюзгшее после вчерашней попойки лицо Ингольва. Вероятно, я бы сумела ему помочь, но пренебрежительное отношение несколько не вдохновляло на изыскания. Любит пить без меры – пусть полюбит и похмелье. Иначе его вразумлять бесполезно.

Господину Бранду было не до наших мелких склок – он отдавал должное очередному кулинарному шедевру Сольвейг. Казалось, он был готов защищать свою тарелку, будто дворовый пес – трофейную кость... Взглянув на свекра, почти с урчанием поглощающего завтрак, я снова перевела взгляд на мужа.

– Ночью первый снег выпал... – многозначительно произнесла я. Признаю, хотелось хоть как-то отплатить благоверному за бессонную ночь.

Окончательно упавший духом супруг с тихим стоном отодвинул тарелку и бросил угрюмый взгляд за окно.

Первый снег означал праздник, на котором мужу предстояло играть не последнюю роль. А сегодня это его несколько не радовало, хотя обычно тщеславный Ингольв упивался по-

добными мероприятиями.

Уходя от разговора, он раскрыл газету и углубился в чтение, недовольно комментируя: «Опять требуют ограничить китобойный промысел. Совсем сдурели! Кетиль снова выставил своего жеребца на скачки. Какой идиот поставит на эту клячу? Очередная девица пропала... И с чего раздувать такую историю? Как будто мало дурех сбегают с любовниками! Так нет, выдумали маньяка! Газетчики!»

В последнее слово Ингольв вложил все презрение, которое питал к журналистам и прочим творческим личностям.

Насладившись последним кусочком кекса, я промокнула губы салфеткой и встала из-за стола.

– Приятного тебе дня, дорогой! И вам, господин Бранд! – прощбетала я и наконец упорхнула, не обращая внимания на недовольные взгляды мужчин.

Следующие часы принадлежали мне безраздельно.

В свое время я настояла, чтобы вход в «Уртехюс» был отдельный, иначе покоя бы мне не дали. Так что пришлось накинуть на плечи издававшую виды, но любимую и уютную шаль, некогда подаренную сыном, и выйти из дому. На улице царил мороз, но можно обойтись без шубы – благо до заветной двери рукой подать.

Сделав всего несколько шагов (снег от крыльца уже успели убрать), я очутилась перед входом в приземистое одноэтажное строение.

Вывеска была предметом моей особой гордости – не зря

я заказывала ее у хель, которым не было равных в резьбе, – и смотрелась весьма органично в этом царстве льда и серого камня. Она была сделана из рога – леса, даже морозоустойчивых хвойников, на севере слишком мало, чтобы тратить древесину на всякие глупости.

В правом верхнем углу красовалась руна беркана, означающая в данном случае силы природы, в центре накорябано несколько вертикальных линий, перечеркнутых горизонтальными, – хельские письма, которые все местные жители понимали без затруднений. Мне объяснили, что это хельское слово «Уртехюс», что буквально означало «Дом трав». Название было окаймлено переплетенными растениями, среди которых особенно умиляли резные листочки каннабиса. На мою вдохновенную (и весьма возмущенную) лекцию о недопустимости использования подобного в ароматологии моя подруга Алыг-исса по-хельски невозмутимо ткнула пальцем в бутылку с надписью «масло конопли». В ответ на смущенное объяснение, что масло семян и сигареты из листьев – совершенно разные вещи, она лишь молча пожала плечами.

Улыбнувшись воспоминаниям, я распахнула дверь.

Передняя в «Уртехюсе» не запиралась, чтобы клиенты могли дождаться меня с комфортом. Несколько кресел, столик, подставки для шляп и зонтов – вот и вся немудреная обстановка, но все же это куда лучше, чем мерзнуть на улице.

Ко мне, будто подсолнух к солнышку, тут же потянулась

молодая особа в темном платье, и я изобразила улыбку.

– Вы опоздали! – с ходу возмущенно сообщила она.

– Немного, – призналась я, и улыбка моя стала обезоруживающе лучезарной.

Дама не желала так легко отступить.

– Я думала, вас не дождусь... – жалобно пробормотала она, смаргивая слезы и роясь в сумочке в поисках платка. – Мне так плохо! В боку колет, и сердце прямо выпрыгивает из груди... В глазах темнеет...

– Не волнуйтесь, лучше присядьте. Сейчас мы все исправим, – бодро прервала я поток угрожающих симптомов, нашаривая ключ. Клиентка скорбно поджала губы, весьма недовольная, что ей не дали пожаловаться всласть.

Мы прошествовали в «Уртехюс».

Я окинула комнату любовным взором. Потребовались немалые усилия, чтобы моя приемная нисколько не напоминала медицинскую палату. Несомненно, ряды склянок и блистающих металлом деталей внушали бы посетителям подобающее почтение, но одновременно вызывали бы страх. Так что мой кабинет оформлен как гостиная в любом респектабельном доме. Кресла, диванчики, бархатные портьеры... Все это золотисто-желтого и глубокого винного оттенков. В серванте хранятся коньяк, ликеры и прочие расслабляющие напитки в окружении хрустальной посуды, в шкафу солидно устроились книжные тома в скромных переплетах, на полке у камина выстроились безделушки.

Ко мне словно приходили в гости, чтобы за чашечкой чая или бокалом чего-нибудь покрепче посетовать на пошатнувшееся здоровье, выслушать дружеский совет и уйти обнадеженным.

Госпожа Эйва привычно приземлилась в кресло, прижав к груди пухлую ручку и закатив глаза. Я столь же привычно достала из буфета стаканчик, накапала немного настойки валерианы, щедро разбавив ее ежевичным ликером. Успокаивающее зрелище пузатых графинчиков с крепкими напитками и баночек с чаем и кофе настолько расслабляло посетителей, что они совершенно не замечали таящиеся за ними пузырьки с лекарственным содержимым. Впрочем, и чай, и даже алкоголь вполне могут быть целебными, если знать, на чем их настоять, и использовать умеючи.

Вручив гостю питье, я поставила на спиртовку воду для чая, опустилась в кресло напротив госпожи Эйвы и приготовилась внимать.

Она была искренне убеждена (и истово убеждала близких) в хрупкости своего организма, так что посещала меня не реже раза в неделю. Эдакая увядающая роза, хотя здорового румянца на щеках и блеска глаз не могли скрыть даже блеклые шелка, в которые она старательно куталась. А сквозь тяжелый шлейф благовоний пробивался медовый запах здорового тела.

По правде говоря, единственной угрозой ее здоровью мог стать разве что бесконтрольный прием лекарств. Такие мни-

тельные особы способны глотать микстуры бутылками. Госпожа Эйва старательно прислушивалась, не кольнет ли в боку и не приснится ли странный сон, а если этих «угрожающих» признаков не было, то их несложно и придумать... В итоге она поглощала множество снадобий, совершенно не думая об их взаимодействии.

На первых порах пришлось долго ее убеждать в своей компетентности, зато теперь госпожа Эйва доверяла мне безоговорочно и еженедельно являлась за лекарством, без которого не могла прожить и дня.

По правде говоря, «чудодейственный» состав был всего лишь безвредным успокоительным на основе валерианы и ромашки, тщательно замаскированным для усиления действия. Но ведь помогало, да еще как! Вот уж действительно – все болезни от нервов!

Вот и сейчас, допив целебный ликер и ободренная моим участием, клиентка на глазах похорошела. Благоговейно прижав к груди вожаденную бутылочку, госпожа Эйва удалилась, рассыпаясь в благодарностях за спасение своей младой жизни. Уже много месяцев она нуждалась в этом лекарстве. Или в заботе мужа?

Фиктивными больными чаще всего становятся те, от кого дома отмахиваются. Немного участия – и «безнадежные» пациенты чудесным образом выздоравливают. Правда, обычно ненадолго.

У женщины не так уж много способов привлечь к себе

внимание, и она выбрала самый простой...

Размышляя об этом, я принялась убираться в шкафу. Следовало протереть пыль и рассортировать множество пузырьков и склянок, коробочек и свертков. Когда ингредиентов так много, со временем забываешь, что есть «в закромах», что давно закончилось, у чего истек срок годности... Поневолe приходится время от времени перебирать запасы.

Зато так интересно заново открывать собственные сокровища!

К примеру, вот пузырек пачули. Это эфирное масло становится лучше с каждым годом, поэтому я всегда стараюсь «забыть» его на год-другой.

А вот аттар хны – смесь цветов лавсонии и сандала. Такая кисло-сладкая тягучая карамель...

Вот небольшая пробирка с остатками абсолюта османтуса, который где-то раздобыла барышня Бирта. Эта милая девушка, вполне оправдывающая собственное имя «яркая», потребовала сделать для нее такие духи, каких больше в Ингойе не встретишь, для чего и принесла мне это экзотическое чудо. Османтус пахнет, как сад в августе: спелые фрукты и множество цветов, тягучий мед и утренняя свежесть. В качестве оправы немного мандарина, бобов тонка и ванили. Клиентка была в таком восторге, что последние два года пользовалась исключительно этими духами. Кстати, что-то она давно не появлялась...

В дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, в «Уртех-

юс» заглянул молодой человек в пенсне. Заурядный, изрядно помятый костюм и взлохмаченные волосы выдавали в нем человека, занимающегося умственным трудом, – подобной неаккуратности лавочники себе не позволяли, а для рабочего люда одежда была слишком хорошего качества.

– Доброго вам утра, госпожа Мила, – вежливо поклонился он.

– Мирра, – поправила я мягко. – Здравствуйте.

– Ох, простите, – смутился посетитель. – Я так рассеян...

– Ничего страшного, – улыбнулась я со всей сердечностью. – Проходите, присаживайтесь.

Гость последовал приглашению, бросив прямо на столик пальто, густо усыпанное тающими снежинками. Еще одно свидетельство рассеянности – в такую погоду куда уместнее шуба. С тщательно скрываемым неудовольствием я отметила, что с одежды капает вода, но промолчала.

Усевшись прямо, будто трость проглотил, визитер смерил меня взглядом. Надо думать, увиденное его не впечатлило, и на лице гостя читалось сомнение.

Не удержавшись, я тихонько вздохнула. Отчего-то пациенты преисполняются снисходительности, едва меня увидев. Видимо, женщина, к тому же не старая и не уродливая, да еще и облаченная в эффектный туалет, вовсе не кажется им заслуживающей доверия. Но если кого-то не устраивает мой облик, он вправе попытать счастья где-нибудь в другом месте. Найдется немало шарлатанов, готовых провести падких

на антураж простаков.

– Слушаю вас, господин... – Я сделала паузу, намекая гостю, что неплохо бы представиться.

– Ох, извините, – пробормотал он, не делая попытки уйти восвояси. Видимо, счел, что за неимением лучшего можно воспользоваться и моими услугами. – Меня зовут Гюннар, сын Хакана. Я фотограф.

После взаимных убеждений в приятности знакомства господин Гюннар наконец приступил к сути своего вопроса.

Я налила ему коньяка, а себе заварила мятный чай.

Гость едва отпил из своего бокала и отставил его в сторону. Он все так же сидел, вытянувшись по струнке.

– Думаю, вам знакома процедура бальзамирования? – осведомился он вдруг. – Это так интересно! Ведь бальзамирование позволяет остановить время, сохранить ускользающую красоту!

К своему стыду, я смогла вспомнить лишь то, что для этого использовались прополис и эфирное масло элемеи. Ну и, разумеется, что в древние времена, еще до Рагнарека, бальзамирование широко применялось для захоронений далеко на юге.

Однако зачем разубеждать посетителя в своей мнимой осведомленности?

– Разумеется, – подтвердила я с улыбкой, – совершенно с вами согласна, вопрос интереснейший. Уверена, вы превосходите в этом разбираетесь...

Забавно, принимая клиентов, я невольно перенимаю бабушкину манеру разговора. Старомодная велеречивость сама ложится на губы капелькой меда, и я ничего не могу с этим поделать. Да и надо ли? Изящные завитушки слов так напоминают любимые бабушкой витые ожерелья и браслеты, ее царственный наклон головы и подчеркнуто изящные манеры. Преемственность поколений налицо.

Конечно, господин Гюннар не преминул показать все свои знания, вывалив ворох подробнейших сведений. Мне осталось только внимать и к месту вставлять восторженные реплики.

Впрочем, даже зная я все о бальзамировании, я бы не стала этим бахвалиться. Проявить заинтересованность несложно, а гостю приятно...

Не забывая изображать внимание, чуть склонив голову набок, я рассматривала господина Гюннара. Рубашка застегнута не на те пуговицы, клетчатый шарф небрежно обвязан вокруг шеи, длинные светлые волосы перехвачены застиранной лентой, но все это отступало на второй план, стоило заглянуть во внимательные бледно-голубые глаза, прячущиеся за стеклами пенсне. Холодно-свежий аромат мяты и лимонный – цитронеллы – говорил, что он отнюдь не такой рассеянный чудаков, каким казался на первый взгляд. Ведь именно эти масла использовались для тонизирования и повышения внимания.

Разумеется, в действительности от господина Гюннара

пахло совсем иначе: лавандовым мылом, карболкой, кедровой помадой для волос... Но все это лишь внешний слой. Каждое живое существо, словно ореолом, окружено запахом, на котором сказываются глубокие чувства и мимолетные эмоции, телесное нездоровье и болезни души.

Аромаг чутко улавливает изменение аромата и в случае нужды может его исправить: добавить капельку горечи или, напротив, подсластить, убрать неприятную ноту или приправить специями... Таким образом, возможно и обратное воздействие – запах влияет на тело и душу, воссоздавая потерянную гармонию.

– При бальзамировании главным образом применялся принцип максимального осушения всех жидкостей тела и последующая обработка одного – как снаружи, так и изнутри – антисептическими жидкостями... – вдохновенно вещал тем временем мужчина.

– Совершенно с вами согласна! Но не думаете ли вы, что целесообразнее в таком случае использовать более дешевые вещества, вроде формалина или тимола?

– Разумеется, нет! – вскинулся господин Гюннар, от избытка чувств саданув по столу кулаком. Возможно, он и творческий человек, но удар у него вполне простонародный – сильный и прямой.

Я мимоходом провела пальцами по гладкой, будто шелковой, и теплой поверхности, радуясь, что не сменила дубовую мебель на модную (и более дешевую) стеклянную.

– Согласитесь, бальзамирование – это искусство! – пылко продолжил гость, не замечая моего недовольства. – Наши предки погребали своих мертвых по особым правилам, и было бы кощунством низвести этот ритуал к какой-то ремесленной процедуре!

От мужчины смолисто и протяжно повеяло ладаном. Ладан воплощает убежденность, и лучше не спорить с человеком, от которого исходит этот аромат, – все равно без толку.

Я решила прервать этот занимательный разговор, хотя меня так и тянуло возразить, что покойников бальзамировали исключительно в древнем Муспельхейме, а местные обычаи совсем иные.

– Большое вам спасибо за интереснейшую беседу! – Улыбнувшись, я доверительно коснулась его рукава. – Возможно, вы расскажете, что именно вам требуется?

– О! – умно произнес господин Гюннар, снова делаясь рассеянным и чудаковатым. – Да... Конечно...

Кое-как, сбиваясь и запинаясь, он объяснил, что хочет купить крупную партию стиракса, смолы мирры и ладана, эфирных масел ладана, чайного дерева и элеми, а также кедровой живицы.

Откровенно говоря, я весьма удивилась столь странному заказу. Видя мое недоумение, господин Гюннар помялся, но выложил, что все это было ему необходимо для поездки в Муспельхейм с археологической экспедицией. Владыка

Сурт¹ оказал ему великую честь, разрешив приехать в свою страну.

К слову, огненные великаны, владыки Муспельхейма, на дух не переносили инеистых великанов, от которых произошли хель. И эти чувства, надо думать, были взаимны. Мой родной Мидгард в этом вечном споре принял сторону северного соседа, Хельхейма.

– Но зачем археологам материалы для бальзамирования? – простодушно (признаюсь, отчасти наигранно) удивилась я. – Мне казалось, там довольно собственных мумий...

– О... – Несколько мгновений господин Гюннар то ли колебался, то ли боролся со смущением. Наконец признался: – Мы задумали серию опытов по бальзамированию... э-э...

Я приподняла брови в немом удивлении, затем осторожно уточнила:

– То есть вы собираетесь экспериментировать с телами?

– Нет, что вы! – даже замахал руками апологет археологии. Он казался искренне возмущенным подобным предположением. – Нас вполне устроят кошечки, собачки... Это ведь так интересно – особенности естественного и искусственного мумифицирования! Климат Муспельхейма позволяет провести ряд опытов...

– Понятно, благодарю за разъяснения, – прохладно сказа-

¹ Сурт – в германо-скандинавской мифологии – огненный великан, владыка Муспельхейма. В день Рагнарека его орды должны двинуться на север «подобно южному ветру».

ла я, не желая развивать неприятную тему. – Я извещу вас, когда удастся раздобыть нужные компоненты. А теперь прошу меня извинить...

– Да, конечно. – Поняв прозрачный намек, господин Гюн-нар встал. Откланявшись самым светским образом и оставив свой адрес, он удалился, из-за рассеянности с трудом вписавшись в проем двери.

Я с сомнением покачала головой. Несмотря на кажущуюся нескладность и несобранность, холодный взгляд посетителя выдавал его истинную натуру. Невнимательность казалась мне притворной, всего лишь удобной маской. Зачастую безобидным чудаком быть выгоднее, ведь такому простят многое...

В задумчивости я встала и прошла к книжному шкафу. Пятнадцать минут – и в моих руках оказалась искомая книга. Отыскав раздел, посвященный древним традициям Муспельхейма, в частности погребению мертвых, я принялась читать.

А вскоре увлеклась, совсем забыв о времени.

Спохватилась я, лишь когда часы пробили полдень, и бросилась в дом. Чего доброго, опоздаю на праздник!

Полковник Ингольв должен быть на торжестве в сопровождении супруги, так что я получила нагоняй от дорогого мужа.

Сборы заняли лишь пять минут. В такой трескучий мороз лучше бы одеться потеплее, но на шубе оторвалась пугови-

ца, а пришивать ее было уже некогда. К тому же Уннер была занята какими-то таинственными делами и на звонок не отозвалась.

Надо бы по возвращении ее отчитать – она милая девушка, но несколько безалаберная. Жаль только, что реальной власти над ней у меня нет – в нашем доме слугами заправляет господин Бранд. Оставалось лишь сожалеть, что в свое время из-за неопытности и тяжелой беременности я не уделила этому вопросу должного внимания, а потом уже было поздно. Хотя могла ли я, молоденькая девица, привыкшая к полутора десяткам слуг, поддержать порядок в доме, где прибирала и стряпала единственная приходящая служанка? Жизнь в крохотном гарнизоне, затерянном среди бесконечных снегов чужой страны, оказалась настолько непривычной и странной, что я совершенно растерялась и позволила полностью отстранить меня от управления домом.

Про себя я иногда называла свекра Хинриком – «домашним правителем», это имя теперь подходило ему больше, чем официальное Бранд – «меч», и только в этой беспомощной иронии, Валериане и в «Уртехюсе» я и находила утешение...

Уннер я так и не дождалась, так что одеваться пришлось самостоятельно. Можно обойтись без косметики – мороз ничуть не хуже румян, а защитный крем я нанесла еще утром. Оставалось спуститься вниз и надеть полушубок.

Столь краткие сборы утихомирили недовольного Инголь-

ва. К тому же он успел «подлечиться» (от него снова благоухало коньяком), так что теперь чувствовал себя вполне сносно.

Я чмокнула дорогого супруга в щеку и с улыбкой сообщила, что готова отправиться с ним хоть на край света! Небольшая ложь во благо, зато муж мгновенно расцвел. Я подцепила его под локоть, и мы чинно двинулись из дому.

Автомобиль, лаково-черный механический зверь, поджидал нас у порога. Ординарец мужа Утер с поклоном отворил перед нами дверцу и дождался, пока мы расположимся со всем комфортом. К слову, он всегда напоминал мне покрытую снегом гору: седой, лицо изрезано ущельями морщин, ниже густо покрыто зарослями бороды. К тому же Утера отличали редкая молчаливость, странно сочетающаяся с умением донести свои мысли до любого – от мальчишки-курьера до генерала, услужливость без угодливости и воистину нерушимое спокойствие.

Пофыркивая, металлический монстр покатился по единственной расчищенной дороге. Солдаты все утро чистили ее от снега, дабы начальство могло проследовать на праздник в автомобиле. Хотя горожане наверняка были рады, что могут добраться до места, так сказать, по проторенной тропе.

Автомобиль ехал неспешно и степенно, ловко лавировал в потоке людей, подчиняясь твердой руке укротителя-ординарца. Через припущенное стекло мы успевали приветствовать припозднившихся знакомых – как пеших, так и счаст-

ливчиков-верховых и немногих обладателей автомобилей. Говорят, на материке их давно предпочитали лошадям, но у нас это пока экзотика, на всю Ингойю наберется несколько десятков автомашин.

Тут наше средство передвижения взбрыкнуло, и мне стало не до размышлений. Вцепившись в поручень на дверце, я думала лишь о том, чтобы не прикусить язык. В непогоду на мощенной булыжниками дороге автомобиль напоминал корову на льду.

Наконец мы добрались до места назначения – обозначенной каменными столбами площадки неподалеку от города. Отсюда Ингойя казалась россыпью странных выростов на шкуре огромного ледяного дракона, склонившего нос к воде. Уткнувшись в суровые волны Северного моря, исполин спал, смиренно снося незваных гостей на хребте.

Какие странные сравнения приходят в голову! Усмехнувшись, я оперлась на руку мужа, пытаюсь грациозно выбраться из автомобиля. Впрочем, безуспешно – теплая одежда делала меня неповоротливой и чересчур громоздкой. Наконец трудная задача была решена, и я оказалась в сердце огромной толпы, радующейся первому снегу и сияющему в небе солнцу. Любопытное светило, так редко радующее нас своим вниманием, на этот раз расщедрилось, а в наших широтах это само по себе повод для праздника.

Рука об руку мы с Ингольвом (женщины с завистью поглядывали на меня, что тешило мое самолюбие) проследо-

вали на почетные места и занялись ответственным делом – приветствием знакомых.

Вежливые светские беседы отняли не меньше часа, и все это время приходилось поддерживать разговор и непринужденно улыбаться, хотя у меня уже зуб на зуб не попадал. Кто придумал предварять зимние мероприятия долгой болтовней?!

Впрочем, местные жители, казалось, не испытывали неудобств. Поодаль уже вовсю грелись настойками – судя по запаху, на клюкве, березовых почках и сосновых иголках, и пирогами, тщательно укутанными, чтобы не остыли. Избранное общество, разумеется, таких вольностей себе не позволяло, но никто, кроме меня, не казался замерзшим.

У меня уже совершенно заledenели руки и, подозреваю, лицо покраснело; я даже стала завидовать отчаянным модницам, облачившимся по хельской моде в штаны. Только, в отличие от хель, они носили широкие брюки, скрывающие очертания ног. Надо думать, в такой одежде потеплее, чем в моем платье! Хотя, по правде говоря, к хелисткам я всегда относилась со сдержанным недоумением. Эти мужественные (или мужеподобные?) дамы, отстаивающие равенство мужчин и женщин, вызывали смешанные чувства. С одной стороны, я тоже считала неправильными многие местные традиции, сурово подчиняющие женщин диктату отца, брата или мужа. С другой стороны, право трудиться наравне с мужчинами, которое отстаивали особенно яростно, казалось мне

сомнительным достижением. Ведь наверняка никто не снимет с нас заботы о доме, семье, супруге и детях, так зачем возлагать на хрупкие дамские плечи еще и «привилегию» работать при этом по десять-двенадцать часов в день?

На мой взгляд, куда лучше добиваться желаемого сильными мужскими руками.

«Сила слабого пола – в слабости сильного пола к слабому»², – вспомнилось к месту. Представляю, что бы мне сказала Алыг-исса на эту сентенцию! Впрочем, у самих хель дело обстояло точно так же, лишь в роли слабого пола фигурировали мужчины...

Тем временем основное действо наконец началось. В центр круга вышли трое, и толпа благоговейно замолчала, взирая на них с пристальным вниманием. Это были главные лица Ингойи: мэр, то есть выборный глава города; мой драгоценный супруг, полковник Ингольв, командир гарнизона; и, наконец, хозяин морей, управляющий всеми судами острова.

Они споро (сказывалась долгая практика) принялись за дело, уминая снег в шары, придавая ему форму и прилаживая детали. Не выдержав, вскоре горожане стали подбадривать власть имущих, словно фаворитов на скачках, зорко наблюдая за их действиями. Кричали мальчишки, переговаривались семейные пары, хихикали девушки... В общем гаме

² «Сила слабого пола – в слабости сильного пола к слабому». В нашем мире это высказывание принадлежит Нинон де Ланкло.

терялось тяжелое дыхание мэра, которого замучила одышка. От физических упражнений на свежем воздухе, которые так популярны в последние годы, дородный мужчина в долгополой шубе и высокой шапке налился краснотой и пыхтел. Веселый светловолосый великан-флотоводец дышал легко и смотрел весело, легко сгребая снег лопатообразными ладонями. Ну а мой Ингольв больше позировал, демонстрируя сияющую на шинели руну тейваз – знак воина, улыбался дамам и подмигивал почтенным отцам семейств, что, впрочем, не мешало ему управляться с порученным делом.

Лепить снеговика из первого снега – мероприятие крайне ответственное. Народные обычаи снабжали это сакральное действо целым ворохом примет и ритуалов. К примеру, морковь для носа импровизированного ледяного великана должна быть непременно свежей, и чем ярче, тем лучше. Это знак здоровья снеговика, а значит, и здоровья города. Так что ежегодно в Ингойе проводился конкурс на лучший корнеплод. Нешуточные страсти бушевали на этом состязании! Судей обвиняли в продажности, соискательниц – в нечестных приемах, к примеру, подкрашивании моркови облепиховым маслом. О, сколько слез было пролито, сколько интриг сплетено, чтобы теперь гордая победительница кичилась званием лучшей хозяйки!

Тем временем на постаменте уже красовалась фигура, похожая на снеговика, которого я когда-то лепила вместе с братьями. Только здесь его возводила не шумная малышня, а от-

цы города, полные сознания ответственности момента. Как будто сановные особы впали в детство и принялись лепить куличики!

Впрочем, подоплека у этого торжества отнюдь не шуточная.

Легенды гласят, что раса хель произошла от богини смерти Хель и инеистых великанов – хримтурсов. Во времена Рагнарека мировое Древо, Иггдрасиль, было разрушено, и все девять миров перемешались между собой, словно овощи в рагу. Чертоги Хель и Нифльхейм, где обитали потомки древних великанов, теперь стали одной страной. Коренными ее обитателями были хель и ледяные драконы, а позже, с их разрешения, и люди.

Людям непросто выжить в Хельхейме, поскольку они сотворены из дерева, а не из льда. Поэтому они особенно внимательно соблюдают все принятые на севере ритуалы.

Признаюсь, впервые увидев это действо, я с трудом сдержала неуместный смех, но сейчас ликовала вместе со всеми. Правда, остальные радовались удачному началу зимы, а я лелеяла надежду вскоре оказаться в тепле. Все, о чем я мечтала, – чашечка горячего чая с медом, горящий камин и мягкий плед...

Ингольв приосанился и охотно поддакивал рассуждениям о редкостной успешности нынешнего снежного великана. Он словно позабыл обо мне, то и дело останавливаясь, чтобы перемолвиться парой слов со знакомыми, хотя превосходно

знал, что за эти часы я совершенно заоченела. Отчаянно хотелось развернуться и уйти, но это вызвало бы грандиозный скандал. Такого неуважения благоверный бы мне не спустил.

Толпа постепенно рассасывалась: люди предпочли продолжить празднование дома, в тепле и уюте.

Наконец муж добрался до меня, взял за локоть и прошипел:

– Не делай такое лицо! Ты отлично знаешь, что у меня есть обязанности и я не могу потакать твоим капризам.

Должно быть, со стороны казалось, что Ингольв шепчет мне на ушко что-то ласковое.

– Я просто замерзла и хочу домой! – прошептала я в ответ, изображая натужную улыбку.

– Домой? – переспросил муж кисло. – А праздник? Мы ведь приглашены в ратушу!

От мысли, что остаток вечера придется пить вино и обсуждать с женами первых лиц молодящие зелья и выходки прислуги, пробрала дрожь.

– Я скажусь больной, меня в самом деле знобит. Правда, Ингольв, поезжай сам.

– Как хочешь! – Муж слегка пожал плечами, провожая меня к автомобилю.

Он не настаивал: первый снег принято отмечать шумно и весело, а веселиться без присмотра супруги намного приятнее.

Полагаю, у меня действительно был неважный вид, да и

насчет озноба я не солгала. Доставив меня домой и сдав в «заботливые» руки Сольвейг (вот уж кому не подходило собственное имя – «солнца луч»), Ингольв ретировался, с трудом скрывая предвкушающую улыбку. Впрочем, мне уже было все равно.

Добравшись наконец до вожаделенного тепла, я нежилась у огня, как кошка.

Пригревшись, я едва не забыла, что собиралась отчитать Уннер за пренебрежение обязанностями камеристки.

В ответ она только покаянно вздыхала, растирая мои озябшие пальцы, и твердила: «Да, госпожа! Больше не повторится, госпожа!»

В голове истинной северянки не укладывалось, как можно замерзнуть при такой чудесной погоде. А я всегда была мерзлячкой и пряталась от сквозняков даже в жару. Помнится, в детстве братья дразнили меня лягушкой, и я очень обижалась, пока бабушка не рассказала мне сказку о царевне в лягушачьей шкуре...

Воспоминания, воспоминания. Вы укрываете ностальгическим флером даже то, что когда-то казалось досадным и несправедливым. Я уже тринадцать лет не видела родных и не получала от них вестей, поэтому глупые детские обиды теперь казались дороже драгоценного розового масла.

Почувствовав подступающие слезы, я заставила себя встряхнуться. Какой смысл сожалеть о том, чего все равно не изменить? Лучше занять мысли делами и заботами. К при-

меру, разузнать побольше о господине Гюннаре. При всей кажущейся безобидности, что-то в нем меня настораживало.

– Пошли Сигурда к инспектору Сольбранду. Пусть передаст, что я прошу его меня навестить, – велела я Уннер.

Она нахмурилась, но послушно выскользнула из комнаты, оставив после себя острый камфарный запах недовольства. Уннер терпеть не могла франтоватого слугу, который оказывал ей недвусмысленное внимание.

Спустя час с небольшим доложили о визите инспектора. Я доброжелательно его поприветствовала и предложила присаживаться.

Сухопарая фигура господина Сольбранда, его манера одеваться во все черное и клювообразный нос напоминали ворона, одного из верных спутников бога Одина. Житейская мудрость почтенного инспектора также заставляла вспоминать мудрых птиц.

Вежливые расспросы о здоровье и домочадцах, обсуждение погоды и прочую болтовню господин Сольбранд, как всегда, прервал на полуслове.

– Голубушка, не пичкайте меня этими разговорами, – отмахнулся он нетерпеливо. – Деньги пропали – наживешь, время пропало – не вернешь.

От него пахло кипарисом – дымной хвоей и свежестью, – господин инспектор почувствовал нечто любопытное и был готов к работе.

– Вы знаете некоего господина Гюннара?

– Знаю, голубушка, – подтвердил инспектор, кивнув.

– Он не кажется вам странным? – спросила я напрямик.

Чувствовала я себя все хуже и хуже, волнами подкатывала слабость, в горле першило.

– Станным? – приподнимая кустистые седые брови, переспросил пожилой инспектор, которого я в свое время вылечила от весьма неприятного кожного заболевания.

С тех самых пор господин Сольбранд охотно помогал мне в моих «историях», как он это называл, добродушно посмеиваясь. Более тридцати лет он отдал ИСА – Ингойскому сыскному агентству, – и опыта в каверзных делах ему было не занимать.

– Именно, – подтвердила я, сложив пальцы «домиком» и внимательно наблюдая за выражением изрезанного морщинами лица. – Может быть, за ним замечали что-то подозрительное?

– Помилуйте! – воскликнул господин Сольбранд, по-птичьи склонив голову набок.

Я невольно чуть улыбнулась – видимо, «мечом солнца» родители его назвали за рыжину волос, но годы выбелили червонное золото, и теперь имя седого как лунь мужчины казалось нелепым.

– Откуда я могу знать? Не узнаешь, что вмерзло в лед, пока не растопишь³.

³ «Не узнаешь, что вмерзло в лед, пока не растопишь» – хельская поговорка, примерно соответствует нашей: «Не узнаешь человека, пока не съешь с ним пуд

Инспектор был осведомлен решительно обо всех и вся, а также обладал редкой наблюдательностью. Пожалуй, среди «леденцов»⁴, как иронически называли сыщиков, он пользовался наибольшим уважением, хотя и не добился особых карьерных высот.

Он поведал мне историю жизни во всех смыслах достойного господина Гюннара, но ничего компрометирующего сказать о нем не мог.

Оказывается, господин Гюннар с раннего детства проявлял способности к изобразительному искусству. Талант перешелся ему от матери, в юности бывшей яркой хелисткой и грезившей карьерой художницы. Впоследствии, как это часто бывает, она позабыла свои убеждения ради замужества, выйдя за обеспеченного мужчину много старше себя. И лишь украдкой вытирала слезинки, изучая этюды маленького Гюннара. Когда муж отдал богам душу, она все силы положила на воспитание сына в духе служения искусству.

Впрочем, в дальнейшем мальчик разочаровал свою мать, отказавшись от рисования ради стези фотографа. И пусть посредственный, в общем-то, художник оказался куда лучшим фотографом, она так и не простила сыну «предательства», что, несомненно, сильно ранило чувствительного юношу.

соли».

⁴ «Леденец» – здесь игра слов: ИСА – Ингойское сыскное агентство и руна «Иса» – лед, отсюда сыщик – леденец.

После смерти матушки он жил бобылем, пользуясь услугами двоих преданных слуг и даже не помышляя о собственной семье.

Словом, никакой особенно ценной информации инспектор не сообщил. На ответные вопросы я смогла лишь туманно сослаться на предчувствия. Быть может, инспектор доверял моему чутью, но расследовать было решительно нечего. Любой человек вправе заказать редкие и ценные масла, главное, чтобы он мог оплатить покупку...

Зато, покончив с обсуждением господина Гюннара, полицейский рассказал о новых случаях из своей практики, и я насмеялась вдоволь, слушая его едкие побасенки. Среди прочего он поведал и о загадочных исчезновениях нескольких молодых девушек, с сожалением сообщив, что пока эти дела не раскрыты, а также о таинственных кражах курительных трубок. Девушек активно искали, хоть до сих пор поиски не принесли результатов.

Инспектора весьма интересовала загадка, кому могли потребоваться трубки. Возможно, неведомый злоумышленник решил таким образом бороться с вредной привычкой или похищенное представляло какую-то ценность? Он то ли в шутку, то ли всерьез заявил, что я со своим обонянием смогу отличить по запаху украденные предметы от других таких же, находящихся у законных владельцев.

Я от души рассмеялась:

– Сомнительный комплимент, инспектор! Неужели я так

похожа на ищейку?

Не смутившись, он улыбнулся лукаво и промолвил наставительно:

– Ищейка не ищейка, но вы, голубушка, если вдруг что унюхаете – не сомневайтесь, посылайте за мной!

Проснувшись утром, я почувствовала себя шницелем похельски. Эти котлетки из мелко рубленного мяса жарят во фритюре, но при этом внутри каждой порции таится кубик замороженной крови. Меня одновременно знобило, словно внутри образовался кусок льда, и бросало в жар, будто меня поджаривали до румяной корочки.

Горло саднило, в голове странно звенело, а мысли разбредались, словно мыши, которые обнаружили в кладовой торт «Пьяная вишня» и от души им полакомились.

Я с трудом встала, взглянула на себя в зеркало и ужаснулась. Матовая белизна кожи, свойственная рыжеволосым, превратилась в землистую бледность, глаза лихорадочно блестели, а волосы свисали унылыми влажными сосульками.

В спальне пахло болезнью – горьковатой полынью и пачулями – душно, лекарственно, с нотами плесени и пыли.

Слава Фригг, богине домашнего очага и брака, что этой ночью муженек не претендовал на свою долю тепла и супружеской ласки! Моя наружность этим утром была слишком непривлекательна, а я терпеть не могу выглядеть жалко – в чьих бы то ни было глазах.

Дотянувшись до колокольчика, я вызвала Уннер. Она при-

мчалась спустя пять минут, хотя за окном еще едва светало, и звонок ее явно поднял с постели. Впрочем, недовольство с прелестного девичьего лица моментально испарилось, едва она разглядела, в каком я состоянии.

Горестно причитая, Уннер принесла горячего питья и обтерла меня салфеткой, смоченной в уксусе. Вместо обычных песенок с нежно-розовых уст девушки сегодня лились жалобы и невнятные мольбы богам.

Я невольно улыбнулась, тронутая такой заботой и непри-
творным беспокойством о моем здоровье, и тут же помор-
щилась. От жара губы обветрились и покрылись коркой, по-
этому улыбаться было больно. Голова кружилась, противная
липкая слабость сковывала движения.

В полудреме, полубреду я провела весь день, очнувшись
лишь к вечеру от настойчивых попыток Уннер меня растол-
кать.

– Госпожа! – словно издали звала меня встревоженная
горничная. Я видела, как шевелились ее губы, но слова до-
ходили как сквозь снежную пелену. – Госпожа, очнитесь! Ну
же, госпожа! Может, позвать доктора?

Черты склонившейся надо мной девушки то расплыва-
лись перед глазами, то вновь обретали четкость. Словно в
противовес мне, Уннер была хороша и свежа, как чайная ро-
за – того простого сорта, который не прельстит изысканным
бархатом лепестков и полнотой цветка, но пленит нежностью
бледно-розовых соцветий и тонким ароматом. От нее даже

пахло сахарным розовым вареньем.

Уннер едва не плакала, а я хрипло рассмеялась, тут же закашлявшись. Казалось таким странным, что ко мне могут пригласить врача... Вот уж воистину хель без льда!⁵ Но у меня совершенно не было сил, чтобы идти в «Уртехюс» и искать нужные составы, а отправлять туда слуг бессмысленно.

Должно быть, я провалилась в сон, потому что следующим, что я осознала, было льющееся в горло горячее питье. Открыв глаза, я обнаружила Уннер, которая поила меня с ложки какой-то подозрительной гадостью. На вкус пошло было мерзким, но я послушно проглотила все до капли, в своем сумеречном состоянии не слишком задумываясь, что именно пью. Мне ли не знать, что все полезное чаще всего оказывается противным или в лучшем случае безвкусным?

– Что это? – прокаркала я, стараясь не обращать внимания на противную горчинку на языке и собственный сиплый голос. Сон меня немного освежил, да и жар, похоже, спал.

– Лекарство! – очень содержательно объяснила Уннер, старательно тараща глаза.

Я только вздохнула.

– Какое именно? – От усилий, которые приходилось прилагать, чтобы внятно говорить, мое настроение также не улучшалось.

– Доктор Торольв прописал... – В звонком голосе Уннер дрожала опаска и твердая уверенность в своей правоте.

⁵ «Хель без льда» – примерно соответствует нашему «сапожник без сапог».

Живущий неподалеку доктор Торольв лечил простуду по моим рецептам, признавая, что официальная медицина способна лишь немного облегчить симптомы этого заболевания. Ко мне почтенный эскулап относился с искренним уважением.

– Уннер, я же сама составляла лекарства для доктора... – Я невольно закашлялась. В горле першило, глаза слезились... Да сколько можно?! Откашлявшись как следует, продолжила хрипло: – Мед, малина, настой солодки, инжир и немножко лимона... Но ты меня пичкаешь чем-то совсем другим.

Спустя минут десять, когда я уже в шутку предположила, что Уннер намеревалась меня отравить, она наконец созналась. Правда, предварительно предупредив:

– Я... я же хотела как лучше!

В звенящем слезами голосе девушки было столько упрека, что в иное время я, несомненно, устыдилась бы. Теперь же, в таком дурном расположении духа, меня лишь слегка кольнуло чувство вины, уступив место любопытству.

– Меня Берглис научила... – продолжила горничная, потупив бесхитростные карие глаза. – У ее дядюшки была грудная жаба, так вот он только два раза выпил, и все прошло...

– Что – выпил? – уточнила я с нажимом, приподнимаясь на подушках. От любопытства у меня даже прорезался почти нормальный голос, правда, слишком низкий.

– Порошок мумии... – наконец выдала тайну Уннер, тер-

зая белый передник, и зачастила: – Он от всего помогает, правда-правда! Вот и вам ведь тоже, того... помогло! Я так испугалась...

Ее голос упал, из глаз часто закапали слезы. Уннер чашенько норвила напичкать меня подозрительными лекарствами из ассортимента бродячих «лекарей». Перед подобными типчиками она оказывалась совершенно беззащитной, с покорностью загипнотизированной мышки отдавая скользким змеям от медицины последние гроши.

Ничего себе, панацея от всех болезней!

– Уф... – Обессилев, я откинулась на спинку кровати и поднесла руку ко рту.

Надо сказать, что мои препараты не всегда изготавливались из приятных ингредиентов – чего стоила, к примеру, амбра – незаменимое для духов вещество, образующееся в пищеварительном тракте кашалота! Но такой гадости, как толченые кости тысячелетних мертвецов, я не использовала. На мгновение в моем горячем воображении мелькнула картина, как я, обливаясь от усилий потом и шепча заклятия, пританцовываю у стола в «Уртехюсе», измельчая птичьи кости, отмеряя мышиную желчь и боги знают что еще – я не сильна в этой суеверной чуши... Я встряхнула головой, отбрасывая жуткое видение. Нет, не бывать мне настоящей ведьмой!

– Принеси чая и шоколада. Живо! – велела я, отдышавшись и сглатывая горькую тягучую слюну.

Горничная испуганной птицей выпорхнула за дверь, толь-

ко застучали стремительные легкие шаги.

А я размышляла о невероятной в своей простоте разгадке таинственных замыслов господина Гюннара...

Вернулась Уннер удивительно быстро. С опущенными глазами и дрожащими губками она казалась воплощением оскорбленной невинности. Нечего пичкать меня всякой гадостью!

Я попыталась принюхаться и с досадой поморщилась, а затем совсем не изящно шмыгнула носом. Проклятый насморк! Я чувствовала себя слепым котенком без привычных подсказок обоняния. Не знаю, как люди умудряются пользоваться почти исключительно зрением и немного слухом!..

Следующий день тоже пришлось пролежать в постели. Ингольв даже принес мне цветы (представляю, как Палл, наш садовник, был недоволен набегом на его вотчину!) и чмокнул в щечку, как-то виновато прося поскорее поправиться. Было ли тому причиной смущение, что накануне он не поверил в мою болезнь, или праздник действительно удался – во всех смыслах, – я выяснять не стала. Довольно и того, что обычно сардонический и резкий супруг в кои-то веки выказал нежность. Подумалось даже, что госпожа Эйва не так уж не права, изображая слабое здоровье, но, поразмыслив, я сочла, что строить счастье на лжи – слишком малодушная идея...

Простуда предоставила мне уйму времени для размышлений. Глядя в окно, на тучи, сочащиеся холодным дождем, я

крутила в голове свою догадку, а заодно выпытывала у горничной подробности о «целебном зелье».

В итоге я написала инспектору Сольбранду, попросив Уннер лично отнести письмо, – возможно, инспектор захочет ее опросить.

Девушка вернулась только спустя несколько часов. Все это время за мной ухаживала Сольвейг, не скрывающая своего недовольства этим обстоятельством. Она отчего-то невзлюбила меня с самой первой встречи, два года назад, когда мы только переехали в Ингойю.

При молчаливом попустительстве свекра между мной и Сольвейг велась война. Боевые действия то выплескивались на поля сражений, то затихали, но не прекращались ни на минуту...

«Инспектор обещал все проверить и сообщить!» – шепнула мне Уннер, меняя компресс на лбу.

Я лишь кивнула, устало прикрыв глаза...

Наутро я вышла к общему столу, хотя еще чувствовала слабость. Безделье изрядно мне надоело, и я с нетерпением предвкушала побег в «Уртехюс».

Семейство встретило меня внимательно, оделив лучшими кусочками и гоняя прислугу разогревать мои любимые блюда. Притворная забота свекра и натужная – мужа пахла елейно и одновременно гнило, как жасмин, растущий возле скотного двора.

После двух дней почти полного отсутствия обоняния за-

пахи ощущались особенно остро, до слез, как от лукового сока.

Я заставляла себя жевать и улыбаться, не участвуя в обсуждении вреда образования для женщин – любимейшей теме мужа и свекра.

Наконец Сигурд и Сольвейг споро убрали со стола грязные тарелки, и кухарка торжественно подала на стол десерт.

Обожаю свежую сдобу! Отломить свежий, еще пышущий теплом кусочек, приправить его вареньем, маслом или медом или отправить в рот, запив глоточком сладкого ароматного чая или крепкого кофе... Что может быть вкуснее?

Потянувшись к пышному печеву, я принялась и тут же поняла, что рано обрадовалась.

– Что это? – отодвигая от себя тарелку, спросила я холодно.

– Булочки с ванилью, – сообщила Сольвейг хмуро.

– С ванилином! – поправила я, отодвигая тарелку, и встала. – Спасибо, я уже сыта.

И удалилась под неодобрительными взглядами семейства.

Возможно, другие не заметят разницы, но, на мой взгляд, в натуральной ванили и синтетическом ванилине не больше сходства, чем в столе и столовой: корень слова тот же, а смысл совсем иной.

Источающие медово-инжирный аромат темные стручки ванили следует раскромсать вдоль, выдавить мельчайшие семена и засыпать сахаром. Через две-три недели вы получите

чудесную приправу с головокружительным ароматом. А ванилин – профанация, грубая калька с настоящей специи...

Сольвейг же питала пристрастие ко всему синтетическому, надо думать, в пику мне.

Было такое чувство, словно меня, как глупого ослика, поманили сладкой морковкой, а дали клочок гнилого сена.

Так что в «Уртехюс» я направилась весьма раздраженная и злая.

Стоило выйти на улицу, как меня едва не сбила с ног пожилая служанка с множеством свертков в руках. Темно-коричневое платье, унылая шляпка, поношенные ботинки... Из образа выбивался только элегантный шарф изумительно-го бирюзового оттенка. Повязан он был кое-как, но красоту дорогой вещицы не портило даже неумелое обращение.

Горестно причитая, женщина бросилась собирать пакеты, которые выронила из-за нашего столкновения.

– Ох, надеюсь, чай не промок! Мой маленький Гюни так любит чай с бергамотом! Ох, какая я неловкая! Простите меня, госпожа. Как же это я так? Вы не ушиблись? Ох, простите!

– Ничего страшного, не волнуйтесь. В крайнем случае листья можно просушить, – заверила я, помогая ей.

– Но тогда они перестанут так пахнуть! – горестно вздохнула она, то ли опасаясь взбучки от хозяина, то ли искренне огорчаясь, что он не получит свой любимый напиток.

– Тогда придете ко мне. – Я кивнула на «Уртехюс». – Аро-

матизировать чай несложно.

– Ох, госпожа, спасибо! Только неловко как-то...

Еще несколько минут женщина извинялась, благодарила и что-то рассказывала о своем «маленьком Гюни», которым явно гордилась. Наконец она немного успокоилась и двинулась прочь.

Хмурясь, я проводила ее взглядом, пытаюсь понять, почему это происшествие неожиданно сильно меня встревожило. Вполне заурядная служанка, вот только этот шарф... А ведь действительно! Мало того что он явно «с чужого плеча», если так можно выразиться, к тому же от него исходил очень знакомый экзотический аромат. Несомненно, его тщательно выстирали, так что запах османтуса стал едва уловим... И все же я должна была сразу его распознать! Ведь это духи барышни Бирты, которая так гордилась их неповторимостью...

– Постойте! – крикнула я и бросилась следом за женщиной, которая как раз завернула за угол.

К моему немалому огорчению, догнать ее не удалось. Она растворилась в переулках Ингойи, словно сон поутру. Пришлось возвращаться в «Уртехюс» несолоно хлебавши.

Накапав себе масел чайного дерева и эвкалипта, чтобы взбодриться и избыть последние остатки простуды, я принялась готовить экстракты растений, досадуя на себя. Надо же было упустить единственную ниточку, ведущую к барышне Бирте!

Прерывая мои размышления, в дверь требовательно по-

стучали. Оставив на водной бане будущий экстракт, я вытерла руки и двинулась в приемную.

На пороге мялась Уннер, теребя старенькую шаль и выставив перед собою, как щит, сложенный вдвое лист бумаги.

– Вам письмо от инспектора! – выпалила она торопливо, глядя с опаской, будто я вот-вот ее укушу.

– Спасибо, подожди минуту, – произнесла я, торопливо расправляя лист, и не глядя присела на диван. За что тут же поплатилась – забытый кем-то футляр для шпилек жалобно хрупнул. Я досадливо извлекла из-под себя останки изящной вещицы, убедилась, что восстановлению она не подлежит, и упокоила в мусорном ведре. После этого наконец начала читать послание неподражаемого инспектора.

«Голубушка, – гласило оно, – от имени сыскного агентства выражаю вам благодарность за содействие в поимке мошенников. Как Вы и думали, обманщики продавали фальшивый порошок мумий.

Благодаря показаниям Вашей горничной они понесут самое строгое наказание (среди пострадавших очень именитые особы!). Как говорится, на каждого окуня найдется своя щука.

Однако нет никаких сведений о причастности господина Гюннера. Трупы не бальзамировали, „лекарство“ делалось из подручных средств.

Так что в этом Вы попали пальцем в небо.

Единственное, я выяснил, что никаких археологических

экспедиций в Муспельхейм не запланировано, так что в этом господин Гюннар слукавил. Но не забывайте, подозрительность порождает призраки ⁶.

Кстати, похитителя трубок сцапали. Им оказался сумасшедший коллекционер, который охотился за одной-единственной вещицей, а остальные безделицы взял для отвода глаз.

С почтением, инспектор Сольбранд».

Дважды перечитав, я сложила письмо и призадумалась.

Складная версия рассыпалась, как карточный домик, и теперь в руках у меня снова была всего лишь колода карт, из которых предстояло вновь возвести ненадежную постройку догадок.

Вот уже много лет не ослабевал интерес к мумиям. Из них готовили «волшебные» зелья для омоложения и порошки для лечения самых разных хворей. К тому же многие видные лица устраивали дома целые выставки археологических экспонатов.

Изыскатели добывали не так уж много трофеев. Таким образом, спрос изрядно превысил предложение, чем не преминули воспользоваться мошенники (к каковым я отнесла и господина Гюннара). Недобросовестные археологи сбывали поддельные мумии, считая, что прибыль вполне окупала и расходы, и возможную потерю репутации.

Понятно, что заказ господина Гюннара заставил меня за-

⁶ «Подозрительность порождает призраки» – грузинская пословица.

подозритель его участие в подобной афере.

Гипотеза оказалась неверна. И все же это дело странно пахло...

Слишком много совпадений. Интерес господина Гюннера к бальзамированию. Необъяснимые исчезновения девушек. Служанка, которая щеголяла в пахнущем редкими духами дорогом шарфе и называла своего господина «маленьким Гюни».

Впрочем, знакомый аромат духов мог мне померещиться, а девушки – сбежать с возлюбленными, как и предположил господин Бранд. Возможно также, что барышня Бирта по каким-то причинам выбросила или подарила старую вещицу...

Я снова отправила Уннер к инспектору, дав поручение выяснить, числилась ли барышня Бирта среди пропавших. А если да, попросила передать мне какую-нибудь принадлежащую ей безделушку.

Вскоре горничная принесла список вероятных жертв «Ингойского маньяка», как его окрестили падкие на сенсации журналисты; перчатку и полупустой флакон, благоухающие знакомыми духами. Что ж, теперь сомнений не оставалось – имя моей клиентки также оказалось в грустном перечне...

Конечно, разумнее было сообщить обо всем инспектору Сольбранду, но это были всего лишь мои домыслы, не подтвержденные ни малейшими доказательствами. Нужно для начала выяснить, имел ли господин Гюннар какое-то отношение к смерти девушек или это всего лишь цепь случайно-

стей.

Покончив с повседневными делами, я твердо решила под каким-нибудь предлогом навестить господина Гюннара. По счастью, он жил не слишком далеко от «Уртехюса».

Выйдя на крыльцо, я поежилась. Снег давно растаял, сменившись слякотью, а гулять под холодным осенним дождем – не лучшая идея, даже с зонтом. Однако смысла откладывать визит не было, погода в Ингойе давно вошла в поговорку: «Не жалуйся на ненастье, через час будет еще хуже».

Наклонив голову, чтобы защитить лицо от косых брызг, я шлепала по лужам. Пешеходов было немного, в такое ненастье горожане предпочитали сидеть у камелька и цедить чай или глинтвейн.

Я ностальгически вздохнула, отвлекшись на мгновение, и тут же, наткнувшись на прохожего, едва избежала падения в лужу.

– Ох, извините! – пробормотала я, пытаюсь совладать с зонтиком, который из-за порыва ветра выгнулся в обратную сторону.

– Госпожа Мирра? – удивленно спросил знакомый голос.

Я оставила в покое зонтик и обнаружила, что передо мной стоит ординарец моего мужа.

– Искал. Вас, – отрывисто сообщил Утер. – Обед. Господин полковник.

– Ингольв не придет к обеду? – догадалась я.

Он кивнул. Не понимаю, зачем гонять ординарца, если

можно сообщить по телефону? Надо думать, Ингольв опасался подслушивания по параллельной линии или шпионок-телефонисток.

– Думаю, я тоже... – ответила я, раздумывая.

– Вы куда? – поинтересовался Утер с присущей ему немногословностью. – Провожу.

Несмотря на мои слабые попытки отказаться от сопровождения, Утер не успокоился, пока не довел меня до искомого дома.

Фотографический салон располагался на первом этаже, а на втором, видимо, обитал его хозяин.

Дверь открыла молоденькая горничная.

– Господин Гюннар дома? – спросила я, стараясь улыбаться как можно дружелюбнее.

– Дома, – сообщила она не слишком приветливо. – Проходите, я доложу!

Она проводила меня в кабинет и предложила обождать несколько минут.

Я поблагодарила и, оставшись одна, с интересом огляделась.

Откровенно говоря, жилище господина Гюннара произвело на меня престранное впечатление. Вокруг витал аромат поздней осени и увядания, как будто прелые листья охапками разбросали по углам. Вещи разложены строго по местам, плед на диване старательно разглажен, а книги аккуратно собраны в шкаф.

Я подошла к журнальному столику и провела рукой по его поверхности. На перчатке остался слой пыли. Внимание привлек букет цветов на письменном столе, источающий слабый цветочно-пыльный аромат. В простой стеклянной банке были собраны почти засохшие розы в обрамлении физалиса и полыни. Станный выбор...

Признаюсь, я уступила недостойному любопытству и, выдвинув ящики, бегло просмотрела их содержимое. В первом ничего интересного не нашлось – какие-то безделушки: бу-сы, зеркальце, многочисленные заколки для волос, шляпные булавки, плитка дорогого шоколада.

А вот во втором ящике обнаружилась целая стопка портретов молодых девушек в разных позах и нарядах, словно фотограф не мог определить, какой вариант лучше. Странно – фотографии довольно дороги, а какой смысл делать десяток похожих? К тому же было в них что-то странное.

Я нахмурилась: определенно, в этих снимках чувствовалось что-то знакомое, но...

Где-то хлопнула дверь, и я, вздрогнув, быстро вернула на место «улики» и метнулась к книжной полке, сделав вид, что рассматривала потертые тома. Сердце отчаянно колотилось. Верно говорил инспектор Сольбранд: любопытство рыбку сгубило.

Распахнутая сильной рукой дверь ударилась о стену, но хозяин дома не обратил на это ни малейшего внимания. Сле-

дом за ним с чайным подносом в руках семенила все та же служанка, от которой по-прежнему едва уловимо тянуло экзотическим ароматом османтуса.

– Ох, это вы! – просияла она. – А я как раз заварила чай с бергамотом! И эклеры удались.

Все тот же шарфик пропавшей барышни Бирты украшал скромное платье служанки, и от этого стало жутко. Сердце заколотилось, ладони стали влажными... Мои догадки подтвердились, но лучше бы это было не так!

– Рейни, – шикнул на нее хозяин, – помолчи и ступай прочь. Я сам управлюсь.

Женщина торопливо поставила поднос на стол и, не поднимая глаз, удалилась, а господин Гюннар повернулся ко мне.

– Здравствуйте, – произнесла я осторожно, едва сдержав порыв попятиться.

– Здравствуйте. Присаживайтесь. – Одарив меня странно пристальным взглядом, он указал рукой на кресло, и я послушно присела на краешек, сложив руки на коленях.

Под пронзительным взором фотографа, который, похоже, позабыл о своей роли рассеянного чудака, я чувствовала себя неловко и напряженно улыбалась. Хозяин дома сидел молча, предоставив мне самой начать беседу.

– Мне рекомендовали вас как прекрасного фотографа, и я хотела бы заказать семейный портрет.

– Портрет? – проговорил он, словно не понимая смысла

слов. Пахло от него прогорклым маслом.

Я кивнула, потом, спохватившись, уточнила:

– Видите ли, мой сын приедет всего на два дня, и мне хотелось бы, чтобы к его приезду уже все было готово.

Господин Гюннар будто не слышал, пристально меня рассматривая. Ощущать себя букашкой под увеличительным стеклом было неприятно. Сжав пальцы, я глубоко вздохнула и поднялась.

– Простите, вижу, вас не заинтересовало мое предложение. – Голос мой звучал холодно и отчужденно. – Я дам знать, когда придет ваш заказ.

Едва я успела сделать несколько шагов, как меня догнал повелительный окрик:

– Распустите волосы!

– Что?! – переспросила я, невольно оборачиваясь, удивленная таким беспримерным нахальством. Косы мои были убраны под шляпку – ходить с непокрытой головой считалось неприличным.

– Распустите волосы! – резко повторил фотограф, вскочив.

– Вы слишком много себе позволяете! – бросила я, решительно взявшись за ручку двери. Теперь господин Гюннар стал мне откровенно неприятен, и подозрения превратились в твердую уверенность.

К тому же (с испуга, не иначе) я наконец вспомнила, почему портреты в ящике стола показались мне странными!

Похожий был и у меня – изображение моей покойной дочери.

Привычная боль шевельнулась в сердце. После моей девочки не осталось даже фото – дагерротипия из-за длительной выдержки требовала долгого сидения в неподвижной позе, что для живого и активного ребенка было практически нереально. Кроме того, художественные портреты были весьма дороги, а в те времена мы жили небогато.

Среди безутешных родственников были популярны такие съемки, когда мертвым придавали вид живых, чтобы сохранить образ дорогого человека. Но если присмотреться, фальшь становилась очевидна.

Несложно догадаться: у фотографа столько разнообразных портретов умерших девушек! Он не просто причастен к преступлениям, он сам убийца!

Перепугавшись, я бросилась прочь, но меня остановил сильный рывок сзади.

«Почему я пришла сюда одна?!» – кольнула запоздалая здравая мысль, и на меня обрушилось беспмятство...

Придя в себя, я не сразу вспомнила, что со мной и где я нахожусь. Голова болела, а тело затекло от неудобной позы.

Попытавшись убрать упавшую на глаза прядь волос, я обнаружила, что мои лодыжки и запястья надежно связаны, а шляпка и шпильки исчезли. Похолодев, я вспомнила все и огляделась в панике.

Фотограф чуть поодаль спокойно занимался своими делами.

– Я сказала мужу, куда иду! – отчаянно храбрюсь, заявила я громко. – И меня провожал его ординарец, он скоро вернется!

А ведь Утер действительно знает, где я! Вспыхнула и сгорела бенгальским огнем надежда: я ведь сама его отослала...

– Вы врете, – равнодушно бросил господин Гюннар, продолжая возиться с непонятным оборудованием, – но это неважно. Вы мне нужны, и я вас получу. Они поймут.

Я глубоко вздохнула, пытаюсь сдержать малодушный всхлип. Кто такие «они» и что означает «получу»? Кажется, он окончательно сошел с ума!

Господин Гюннар не дал мне времени для размышлений. Оставив непонятные приборы, он устроился на диване рядом со мной. От мысли о собственной беспомощности что-то внутри сжалось, а от остро-свежего запаха цитронеллы затошнило. Боюсь, отныне я возненавижу это эфирное масло. Разумеется, если успею.

– У вас чудесные волосы... – проговорил фотограф мечтательно, перебирая пальцами мои распущенные рыжие локоны и щуря глаза.

– Спасибо за комплимент! – едко ответила я, вздрагивая от случайного прикасания пальцев к шее (словно улитка проползла по коже!).

– Они будут прекрасно смотреться... – продолжил господин Гюннар, играя с длинными прядями.

Он как будто пробовал на мне разные прически: собрал

волосы вверх, потом перебросил через плечо, затем подогнул, как каре, не обращая внимания на мои попытки вырваться.

Внутри все дрожало от ужаса, а сердце отчаянно колотилось. Боги, милосердные мои боги, он обращался со мной, будто с куклой!

Наконец господин Гюннар наигрался и отпустил меня.

– Хорошо, что я наконец придумал, как раскрасить фотографию! – с довольным вздохом заметил он. Склонив набок голову, полюбовался мной, потом слегка поправил локон у самого лица и пробормотал: – Это пламя погасло бы на обычном дагерротипе... Я не собирался вас трогать, но не удержался. Ваши волосы достойны моего таланта! Рыжих у меня еще не было... Надо попробовать на черном шелке, это символично. А потом... Алый бархат или лучше кровь на белом?

Мужчина словно не замечал меня, должно быть, разглядывая мысленным взором композицию будущего шедевра.

Призвав на помощь все свое актерское мастерство, отточенное более чем десятью годами брака, я улыбнулась и кокетливо взглянула на господина Гюннара из-под ресниц.

– Я охотно буду позировать, только развяжите меня, пожалуйста... Согласитесь, так будет намного интереснее...

– Нет, вы попытаетесь сбежать, – непреклонно ответил он. – Вы все пытаетесь... Я сначала пробовал связывать, но все равно вырываются...

– Кто все? – спросила я, перестав изображать пустоголовую кокетку.

Фотограф легко подтвердил:

– Все модели. Пойдемте, я вам покажу! Пора познакомить вас с подружками.

Он хихикнул, заставив меня похолодеть.

Господин Гюннар тащил меня на руках, даже не подумав развязать. Он пронес меня по коридору, затем по лестнице вниз, в подвал. Отпер дверь, открывая небольшую комнатку, заставленную старой потертой мебелью. Похоже на чулан для ненужных вещей.

Не останавливаясь, господин Гюннар пронес меня через кладовку, наконец поставил на ноги и отпер еще одну дверь, замаскированную выцветшим гобеленом.

Жестом фокусника распахнул обе створки, гордо демонстрируя обещанный «сюрприз».

Яркий электрический свет на мгновение заставил меня зажмуриться. В нос ударил гнилостный душок, и я распахнула глаза.

– Боги, милосердные мои боги! – прошептала я неверяще.

Некое подобие варварски роскошной гостиной. Среди звериных шкур и ярких подушек возлежали и восседали девушки, задрапированные богатыми тканями... Помертвевшая кожа, глядящие в никуда глаза, холодная неподвижность, роскошные волосы – светлые, темные, русые и каштановые, витающий в комнате запах. По стенам развешаны

фотографические портреты – будто зеркала, в которых отражались те же мертвые девушки.

Я почувствовала тошноту, поняв, что заботливый изувер старательно сохранял свои жертвы, бальзамируя несчастных и раскрашивая их мертвые лица. Невинные жертвы «искусства» фотографа.

Из-за неумения или недостатка ингредиентов теперь тела были на разной стадии разложения. Так вот зачем он приходил!

Такая же участь ожидала и меня. Осознав это, я с трудом удержалась от позорной истерики.

Не хочу лежать здесь сломанной куклой! Боги, милосердные мои боги, за что?!

Страх туманил мысли, словно хлороформ. Говорят, утопающие не могут плыть, их ведет инстинкт, заставляющий выпрыгивать вверх, а не плавно двигаться по поверхности воды. Животный ужас поднимался изнутри, заставляя кричать и звать на помощь...

Отрезвила меня пощечина, потом еще одна и еще. Не сильные – видимо, фотограф боялся, что останутся следы. Я с отчаянием подумала, что надо разбить лицо – хотя бы об угол стола – как только представится возможность. Наносить раны самой себе сложно, но это была единственная возможность хоть как-то подпортить триумф сумасшедшего. В конце концов, терять мне нечего...

Фотограф смотрел обиженно, словно Ингольв, когда по-

дарил мне дорогие духи, а я не сумела изобразить радость, передернувшись от приторно-душного аромата. От этого дикого сравнения я моментально пришла в себя.

Тем временем господин Гюннар усадил меня в ближайшее кресло и тщательно закрыл дверь в комнату с мертвыми девушками. Сразу стало легче дышать, хотя из-под двери по-прежнему тянуло запахом тления.

– А я думал, вы поймете, – с какой-то обидой проговорил он, останавливаясь передо мной. – Вы же знаете, что лилии лучше пахнут, когда умирают. Вы убиваете цветы, чтобы получить свои экстракты и масла.

– Послушайте, но ведь это совсем разные вещи! – попыталась я достучаться до его дремлющего разума. – Одно дело – растения, и совсем другое – люди!

– Все мы – создания богов, – равнодушно возразил он. – Знаете, я много экспериментировал. И могу сказать, не приукрашивая, что достиг определенных успехов. Я хочу показать людям красоту увядания, изящество разложения...

В нервном трепетании его пальцев, в дрожании кадыка читалось почти экстатическое чувство.

Я невольно фыркнула, на мгновение забыв о своем пригорбном положении. Не переносу декаданс! Решительно не понимаю прелести тлена и угасания. Глупо, как слова кухарки, что подгоревший пирог даже вкуснее. В жизни столько прекрасного, что стремиться к смерти нелепо!

– Вы все равно никуда не денетесь! – Совершенно сума-

сшедшая улыбка перекосила его лицо, и я вздрогнула, уставившись на него с ужасом. Он продолжил, рассматривая меня, будто безделушку в лавке: – Это же настоящее искусство – убивать! В каждом случае нужен свой подход. Где-то нужен нож, где-то шелковый шнурок или магия...

Фотограф разговаривал сам с собой, как будто я была всего лишь частью интерьера. И от исходящего от него запаха какой-то химии и разложения меня едва не вывернуло.

– Ладно, пора начинать! – Любовно глядя на меня, он откуда-то вынул тесак.

У меня не выдержали нервы.

– Помогите! Помогите! – завопила я, понимая, что это бесполезно. Едва ли слуги придут мне на помощь, а с улицы просто не услышат. – Кто-нибудь, помогите!

– Не смейте кричать, слышите! – истерично велел фотограф, схватив меня за горло.

Я смотрела в глаза своей смерти, и сознание корчилося от ужаса, видя дикий блеск этих глаз. Дурочка, какая же я самонадеянная дурочка! Боги, милосердные мои боги, неужели все закончится вот так?

«Валериан...» – подумала я, жалея, что не успела попрощаться с сыном...

Неподалеку раздался грохот, словно кто-то мчался, отшвыривая с пути мешающие предметы. Мгновение, и за спиной господина Гюннара распахнулась дверь. Он повернулся на шум, выпуская меня.

«Утер!» – хотела сказать я, но истерзанное горло не повиновалось. Надо думать, он решил, что меня слишком долго нет, что-то заподозрил и решил проверить...

Разъяренный ординарец молча бросился на моего обидчика.

Забившись в кресло, я наблюдала за дракой, забывая дышать. На стороне господина Гюннара было оружие, зато Утер превосходил его умением...

Ловкое движение фотографа, и из руки ординарца хлынула кровь. Я закусила губы, пытаюсь удержать крик – боялась хоть на мгновение отвлечь своего спасителя.

Несмотря на рану, Утер не собирался отступать. Он удвоил усилия и наконец выхватил из руки сумасшедшего нож.

– Мразь! – выдохнул Утер, с силой ударяя его рукоятью в висок.

Фотограф без звука осел на пол.

По щекам моим покатились слезы, а дрожащие губы улыбались. Подозреваю, выглядела я в тот момент жалко, но мне было все равно. Ординарец разрезал связывающие меня веревки и осторожно поставил на ноги. Рыдая, я прижалась к нему, цепляясь за него, как утопающий хватается за спасательный круг.

– Будет, будет, – приговаривал Утер, неловко глядя мои волосы.

– Я хотела... а он... – хрипло и сбивчиво пробормотала я. Ординарец поморщился и осторожно отодвинул руку.

– Вы же ранены! – спохватилась я, торопливо вытирая щеки. – Простите меня. Вам нужна помощь.

– Потом! – отстранился Утер. – «Леденцы»...

– Да, – спохватилась я. – А... он?

Ординарец пожал плечами. Вдвоем мы кое-как связали сумасшедшего и, поддерживая друг друга, выбрались наружу.

В доме уже сновали сыщики, и, увидев их, я окончательно поверила в чудесное спасение. Впоследствии выяснилось, что Утеру не понравился мой визит к постороннему мужчине, так что он потихоньку пробрался в дом через окно и услышал мои крики. Как тут не порадоваться столь трепетному отношению ординарца к чести командира?

Словом, опасного безумца ждала лечебница, убитых девушек – достойное погребение, Утера – доктор, инспектора – похвала начальства, а мне предстоял нагоняй от драгоценного супруга.

Меня доставили домой в полицейской двуколке. Наверное, стоит принять чего-нибудь успокоительного после всех треволнений сегодняшнего дня. Пожалуй, валериана с пустырником подойдут...

Дверь распахнулась, и на пороге показалась Сольвейг. Она смерила подозрительным взглядом меня, осторожно поддерживаемую под локотки бравыми констеблями. Воображаю, как я выглядела: простоволосая, растрепанная, с покрасневшим от слез лицом и в сопровождении полиции!

– Явились! – буркнула Сольвейг не очень-то приветливо и припечатала: – От дурной головы и ногам покоя нет!

Я усмехнулась: неплохое напутствие. Хорошо хоть не эпифансия...

Глава 2

Любовное зелье

В тот вечер я возилась с травами в «Уртехюсе». Ингольв все еще злился, так что я старалась поменьше времени проводить дома. Муж долго меня отчитывал, узнав об истории с фотографом.

В памяти всплыло перекошенное лицо Ингольва.

– Ты что, совсем ничего не замечаешь?! – горячился он. – Какого... тебя понесло в его дом? Ты хоть понимаешь, что скажут люди?

По его мнению, моя вульгарная манера совать нос не в свое дело компрометировала уважаемого полковника.

– Тогда господин Гюннар продолжил бы убивать девушек, а не оказался бы в тюрьме! – не выдержала я.

– Так ты еще и споришь?! – взвился муж, угрожающе нависая надо мной.

Ингольв весьма болезненно относился ко всему, что могло бросить тень на его положение. Надо признать, для этого у него имелись причины. Когда мы поженились, Ингольв был в звании лейтенанта, и без меня он вряд ли достиг бы нынешнего положения. И он никогда не сможет этого забыть...

Словом, неделю назад мы поссорились.

Некрасивые подробности не шли из головы: искаженный

злостью рот мужа, обидные слова. Если бы память о приятных моментах была столь же крепкой! Но невесомое благоухание яблоневых лепестков испаряется из мыслей так же быстро, как увядают цветы, а вот горькие плоды болезненных воспоминаний хранятся годами...

Позабыв о греющихся на плите ингредиентах, я сидела, подперев голову рукой, и смотрела в окно. На стеклянной поверхности дрожали и танцевали тени и, как в зеркале, проступали какие-то образы, которые тут же смывал ливень.

Так одиноко... Если закрыть глаза, то можно представить, что это не дождь стучит, а почтальон, который принес долгожданное письмо. Глупо, ведь Ингольв не позволил мне вести переписку с родными и друзьями.

Я словно вновь слышала резкий тон новоиспеченного мужа: «Запомни, теперь твое место рядом со мной! Не хочу, чтобы родственники настраивали тебя против меня! Так что не смей им писать, я запрещаю».

И свой собственный, растерянный и оттого по-девчоночьи тонкий голосок: «Любимый, но ведь это моя семья!»

«Теперь твоя семья – я», – отрезал тогда Ингольв...

В такие ненастные вечера кажется, что я одна во всем мире, и горло стискивает от безысходности. Тоска пахнет пылью, прибитой дождем...

Все вроде бы хорошо: дом, сын, муж, любимая работа... Но чего-то, важного и необыкновенного, уже никогда не случится. Жизнь так и будет катиться по наезженной колее,

оставляя далеко позади упущенные возможности и заброшенные мечты. И ничего не изменить.

Я похожа на волка, который давным-давно попал в капкан и, чтобы выбраться, отгрыз себе лапу, а теперь вынужден перебиваться остатками чужих пиршеств. И иногда, лежа под укрытием еловых лап, тоскливо глядит в небо и сожалеет, что тогда не смирился и не издох.

«Охотники натирают капканы травами, чтобы заглушить настораживающий запах железа», – вспомнилось вдруг. Вот и я попала в такую ловушку с ароматом трав. В капкан любви...

К чему эти глупые мысли? В Хельхейме разводы чрезвычайно редки, поскольку для этого у супругов не должно быть детей. Наш сын родился меньше чем через год после свадьбы, так что рассчитывать на расторжение брачных уз не приходилось. Разве что следом за Фиалкой умрет и Валериан, но даже думать не хотелось о такой страшной цене свободы!

Я давно смирилась со своей судьбой, сроднилась с клеткой, прутьями которой стали долг, приличия, ответственность перед сыном. Глупо сетовать на последствия собственного выбора.

Дождь – это время сожалений и одиночества, но он может только плакать. А плакать бессмысленно...

Впрочем, сидеть в сумерках, смотреть в окно и предаваться бесплодной тоске еще глупее и совсем не в моем характе-

ре! Это просто октябрь, дождь и противный холод.

Заставив себя отвлечься от бесплодных размышлений, я обнаружила, что вода на бане почти выкипела, и кинулась к плите. Следовало приготовить несколько экстрактов.

С древнейших времен для лечения болезней использовались растения и животные компоненты. В религии и медицине, парфюмерии и косметике, даже в кулинарии широко применялись лекарственные травы.

Из зелени, цветков, плодов или корней получали экстракты: масляные, водные, спиртовые, а также эфирные масла. Это квинтэссенция растения, его «жизненная сила».

К сожалению, многие сведения о травах утрачены, чему немало поспособствовал Рагнарек. До сих пор удалось восстановить не более трети знаний предков.

По счастью, мне не требуются старинные рецепты, достаточно обоняния. Аромаг интуитивно ощущает дисгармонию в окружающих ароматах и умеет ее устранять.

Надо думать, моя работа напоминает настройку музыкального инструмента. Когда фальшь неуловима для обычного слуха, но ты ощущаешь ее так остро и явно, как скрип ножа по стеклу, и знаешь, какой колок подкрутить, чтобы ее устранить...

Дождь ли навеял грустные мысли или банальная осенняя хандра, однако будничные дела никак не могли меня отвлечь.

Я измельчала валериану для экстракта, невольно вспоми-

ная сына.

По давней семейной традиции всем детям в нашей семье дают «растительные» имена. К примеру, бабушке Розе это царственно-неприступное имя очень подходило.

Всю первую беременность настроение у меня скакало, как бешеный тюлень, а я опасалась применять сильнодействующие средства. Вот и получился Валериан, в честь той самой травки, которая помогла мне пережить те месяцы.

Лучше бы я назвала Лемонграссом или Миртом, чтобы умел жалить, а не только спокойно сносить насмешки отца.

Валериан унаследовал мои способности – большая редкость для мальчика – и мало интересовался футболом, марками и чем там еще положено интересоваться ребенку его лет. Множество поколений предков Ингольва были военными, так что он даже слышать не хотел об иной карьере для сына.

Как он там, совсем один среди чужих людей и непривычных порядков? По словам Ингольва, кадетам не позволено писать домой первые полгода, якобы с целью скорейшего привыкания к режиму.

Разумеется, я беспокоилась, хотя Ингольв и господин Бранд высмеивали мои страхи...

Постепенно сгущались сумерки. Я механически измельчала травы, заливала их подогретым маслом или разбавленным спиртом, ставила банки со смесями на водную баню. Хорошо прогрев, снимала и, подписав, помещала в теплое тем-

ное место, где им предстояло настаиваться долгие недели...

Отвлекая меня от тяжелых раздумий, в дверь постучали. Хм, слишком поздно для визитов!

С досадой крикнув: «Войдите!», я сняла перчатки и направилась в приемную.

Сначала в «Уртехюс» всплыла шляпа. Именно так – широкополый головной убор, обильно украшенный разноцветными перьями, будто двигался сам по себе, совершенно затмевая хозяйку. Обладательница этого великолепия попросту терялась в тени вишневого бархата с розовой, серой и серебристой отделкой. Пришлось приложить некоторые усилия, чтобы различить ее лицо (к слову, довольно миловидное).

Никогда не понимала бездумную погоню за модой. Подобные «прелестные» вещицы вызывают зависть женщин и полнейшее недоумение мужчин. Разве так сложно понять, что любой наряд должен прежде всего подчеркивать достоинства?

– Здравствуйте, – улыбнулась я, разглядывая посетительницу. Пахло от нее замечательно, леденцами – маслом лиметта. – К сожалению, время приема уже закончилось...

– Меня зовут госпожа Мундиса. У меня... деликатный вопрос... – смущенным шепотом поведала она – эдакий воробышек в павлиньих перьях. – Простите за поздний визит. Не хотелось, чтобы муж знал, и люди станут спрашивать. Я не знаю, стоит ли...

Интересное у нее имя – «лунный лед» или «лунная судьба» (я не сильна в хельском).

– Со мной вы можете быть совершенно откровенны! – завила я.

– Вы не понимаете! – Клиентка покачала головой, отчего многочисленные перья на шляпе пришли в движение. Свет упал на ее лицо, и сразу стали заметны глубокие тени под красивыми голубыми глазами.

– Так объясните! – Боюсь, это прозвучало нетерпеливо.

Я демонстративно взглянула на часы, и госпожа Мундиса тут же заторопилась.

– Понимаете, меня очень любит муж! – выпалила она, после чего ожидающе посмотрела на меня.

– Хм... – глубокомысленно заметила я, пытаясь сообразить, в чем заключалась проблема. Так и не найдя приемлемого объяснения, произнесла осторожно: – Я нахожу это чудесным.

– Чудесным?! – взвизгнула госпожа Мундиса, от которой резко повеяло кислым – не прохладно-кисловатой нотой лимона, а прокисшим супом. Похоже, она на грани истерики. – Вы ничего не поняли! Он *чересчур*, – последнее слово прозвучало с явным нажимом, – чересчур меня любит!

Я машинально потянулась к пузырьку с мятой – от ее отчаяния стало нечем дышать, оно отдавало на языке противным привкусом. Подхватив женщину под локоток, я усадила ее на софу и присела рядом.

Теперь накапать на камешек несколько капель масла (к слову, это самый простой способ использования эфиров). Мята хороша для снятия излишнего волнения, учащенного сердцебиения и спазмов, а также освежения мыслей.

– Вот, возьмите и подышите! – велела я, протягивая клиентке тот самый кусочек известняка.

Она взглянула дико, но взяла.

С минуту мы молчали: гостя – напряженно дыша, будто выброшенный на берег кит, а я – тихонько ее изучая.

Судя по наряду и манерам, госпожа Мундиса принадлежала к приличной семье среднего достатка. Платье модного в этом сезоне оттенка, шляпка, обильно украшенная продукцией птицефермы, – определенно, обладательница этого наряда не жаловалась на бедность.

Уже несколько лет поговаривали о введении паспортов для всех жителей Хельхейма, чтобы всегда знать, кто есть кто. На мой взгляд, с этой ролью вполне справлялась одежда. Обладая толикой здравого смысла и наблюдательностью, можно многое сказать о незнакомце по покрою, отделке, обуви и прочим деталям. Бумаги подделать проще.

Спустя некоторое время, убедившись, что женщина немного успокоилась, я велела:

– А теперь рассказывайте все!

– Все?! – переспросила она, округлив глаза.

– Все! – сурово кивнула я и раздраженно заправила за ухо выбившуюся из прически рыжую прядь. Выющиеся волосы

не удержать никакими шпильками!

Клиентка тут же успокоилась. С такими дамами нужно быть строже, иначе слезы и невнятные жалобы займут по меньшей мере полдня.

– Так что случилось с вашим мужем? – задала наводящий вопрос я и добавила: – Пожалуйста, будьте откровенны, иначе я не смогу вам помочь!

– Он... он... – пролепетала госпожа Мундиса и наконец выпалила: – Он слишком злоупотребляет супружескими правами!

– В каком смысле? – не поняла я.

Под данной обтекаемой формулировкой могло скрываться все что угодно – от запрета на покупку новой шляпки до рукоприкладства.

Посетительница залилась краской, сжимая кулаки и скользя взглядом по обстановке.

От нее пахло миртом, чуть смолянисто и свежо. Смущение.

– В прямом смысле! – И шепотом объяснила: – Мы с Холлдором только три месяца женаты, и он... он слишком часто выполняет супружеский долг!

– Слишком часто – это сколько раз? – заинтересовалась я.

В понимании некоторых излишне добродетельных дам и одного раза в месяц много. Разумеется, порядочной женщине не полагалось не только даже думать об этом, но аромату дозволено многое. Бабушка наставительно говорила, что

леди в любой ситуации остается леди и о столь низменных потребностях вообще не должна упоминать. На что дедушка смеялся и рассказывал некоторые истории из ее собственной практики (презабавные и весьма фривольные, должна заметить!).

– Обычно четыре-пять, – призналась она чуть слышно.

– Хм, – начала я осторожно, припомнив собственный медовый месяц, – четыре-пять раз в неделю у молодых супругов бывает. Возможно, со временем...

– В *неделю*?! – перебила она невежливо. – В ночь! Прошу вас, сделайте что-нибудь, я больше так не могу!

Так вот откуда у нее синяки под глазами и несколько скованная походка!

Признаюсь, отнестись к ее проблеме с должным сочувствием (и серьезностью!) оказалось непросто.

– Хорошо, подумаем, что можно сделать, – согласилась я, раздумывая над возможным курсом.

По правде говоря, в моей практике до сих пор встречались противоположные жалобы, но тем интереснее...

Быть может, мазь? Примерно так, как детям мажут пальцы горькой гадостью, чтобы отучить от дурной привычки грызть ногти.

Воображение услужливо предложило скипидар, но данный вариант я, поразмыслив, отвергла как негуманный. Тогда уж лучше что-то вроде обезболивающего, чтобы уменьшить чувствительность...

Клиентка сидела рядом и взирала на меня полными надежды глазами, казалось, боясь дышать. Представляю, как она, высунув от усердия кончик языка, будет умасливать мужа охлаждающим составом!

– Возможно, лучше прописать вам, скажем так, стимулирующее средство? – осторожно предложила я, отчаянно пытаясь удержаться в рамках приличий.

Госпожа Мундиса отпрянула, инстинктивно закрывшись руками, и протестующе замотала головой. От нее опять остро потянуло миртом – ароматом невинности и чистоты – острым и свежим, немного напоминающим эвкалипт.

– Подумайте хорошо, – увещевала я мягко, – вы не сможете постоянно избегать... хм, внимания мужа...

Надо думать, муж ее весьма гордился той самой мужской мощью, которая до смерти перепугала его молоденькую жену. Теперь она мечтала любой ценой спастись от нежных поползновений.

«Все хорошо в меру», – вспомнилось высказывание классика.

– Не волнуйтесь. Все будет, как вы скажете, – заверила я, отворачиваясь, чтобы спрятать улыбку.

Перебрав и отвергнув с десятков всевозможных рецептов, я остановилась на несложном составе. Чай из мяты и чабреца, масло витекса – его пряный вкус легко замаскировать в десертах или напитках. Также годился майоран...

Я тут же сделала смеси и объяснила, как их применять,

особенно упирая на точность дозировки.

Клиентка краснела, бледнела, но послушно внимала. Воспользовавшись этим, я прочла ей небольшую лекцию о взаимопонимании между супругами в интимных вопросах (чувствуя себя матерью, наставляющей юную дочь). Также рекомендовала безвредное стимулирующее средство, чтобы внимание мужа было ей не в тягость. Или хотя бы съедать побольше шоколада – с той же целью...

Чем только не приходится заниматься аромагу!

Уклончиво пообещав подумать, она выскользнула из «Уртехюса», бережно прижимая к груди пакет с драгоценными снадобьями.

Проводив ее взглядом, я с сомнением покачала головой. Боюсь, она едва ли прислушается к последней части моих советов.

Зато визит госпожи Мундисы заставил меня позабыть грусть и вспомнить, что в любой противной гусенице нужно видеть бабочку...

Выйдя из «Уртехюса», я передернулась и зябко закуталась в теплую шерстяную шаль. На улице было не очень холодно, скорее промозгло: пронизывающий ветер и сырость. Зато пахло замечательно! Обожаю свежий, озоновый аромат, когда в воздухе дрожат мелкие капельки воды, отдающие на языке мятным настоем. Так чудесно открыть настежь окно и подставить лицо дождю, с восторгом наблюдая за буйством стихии! Есть что-то завораживающее в неистовстве грозы,

огненном исступлении пожара, резких порывах ветра – во всем, перед чем люди ощущают себя беспомощными букашками. Век за веком мы пытались обуздать эти дикие силы, но вновь и вновь терпели поражение...

А дома был тихий семейный вечер. Отец и сын устроились в креслах у камина, негромко беседуя. На столике газеты, в руках у мужа спицы, а свекор орудует крючком. В Хельхейме вяжут все, от мала до велика. Разумеется, кроме меня – терпеть не могу это рукоделие! Хотя чем еще заниматься долгими зимними вечерами (то есть с октября по май)?

От идиллической сценки веяло чем-то привычным и родным.

В камине ярко пылал огонь. Пламя ярилось, отчаянно рвалось на свободу, плевалось искрами и злобно гудело в трубе, но оказалось бессильно перед человеческой изобретательностью.

От него исходил густой смолисто-коричный аромат, в вазе на столе радостно благоухали апельсины, а от мужчин пахло коньяком. Я тихонько вздохнула: снова! Как будто Ингольв задался целью все делать мне назло.

– Добрый вечер, – улыбнулась я, привычно устраиваясь чуть поодаль, хотя рядом с Ингольвом пустовало кресло. Но оно аккурат между мужчинами, а встречать между ними небезопасно.

– Милый, очистить тебе апельсин? – предложила я, предвкушая, как брызнет из надрезанного плода солнечный аро-

мат.

От одной этой мысли стало теплее. Огонь в камине прыгал, как котенок, будто предлагая его погладить, и тогда в ладони вопьются, как коготки, острые оранжевые искорки.

Я невольно потеряла озябшие руки, и это, разумеется, не ускользнуло от внимания моего персонального домашнего тирана.

– Замерзла? Сама виновата! – позлорадствовал свекор, искоса взглянув на сына, и завел обычную волюнку: – В мое время порядочная женщина ни за что не стала бы работать! Тем более когда муж сидит дома один! Стыд!

Казалось, Ингольв вообще меня не замечал. Он беззвучно шевелил губами, подсчитывая петли, и с залихватским видом позванивал спицами, будто рапирой. В проворных пальцах рождалось сложное плетение узора (кажется, это будет свитер).

Самое забавное, что муж в самом деле любил это занятие, полагая, что оно успокаивает нервы. Лучше бы он принял пару капель нарда, но предлагать подобное «шарлатанство» не стоило.

Кстати, Ингольв оставался дома лишь два-три вечера в неделю, остальное время проводил невесть где, отговариваясь делами. Я давно перестала спрашивать, почему им нельзя уделить внимание днем. Какой смысл задавать вопросы, ответы на которые известны заранее?

Я очистила и разобрала на дольки три спелых фрукта,

два из которых преподнесла благоверному и его ворчливому отцу. Господин Бранд не упустил случая пробурчать, что апельсины следует чистить совсем не так...

От продолжительной лекции меня спасла реплика Ингольва:

– Ты помнишь, что завтра мы приглашены к мэру?

Он тоже определенно не был расположен к уроку домоводства, поэтому ухватился за первую попавшуюся тему.

– Конечно, дорогой, – подтвердила я покладисто, с наслаждением пробуя сочную мякоть.

– Оденься понаряднее! – потребовал он тут же.

– Разумеется, милый, как скажешь! – Само послушание, кроткая и милая.

– Зачем это? Нечего перед чужими свои... достоинства выставять! – тут же вмешался «тактичный» свекор.

Ингольв на него только зыркнул, и тот капитулировал, изобразив приступ кашля.

Тут муж вспомнил, что мы все еще в ссоре, и снова замкнулся в угрюмом молчании.

Не выдержав напряженной тишины, нарушаемой только позвякиванием спиц, треском огня и покашливаниями свекра, я сбежала в спальню.

Разумеется, ночью муж ко мне не пришел, хотя обычно в подпитии появлялся обязательно. Видимо, это задумывалось как наказание...

Зато я превосходно выспалась, так что к вечеру не тре-

бывалось особых ухищрений, чтобы хорошо выглядеть. Эффектный туалет, немного масла розы на кожу, медовый бальзам на губы и волосы, уложенные локонами у лица – вот и все.

Ингольв оценил эти старания по достоинству: несколько минут не мог отвести взгляда, а потом даже выдавил что-то одобрительное. Приятно, поскольку иногда я чувствую себя женщиной из бородатого анекдота, которая надела на голову ведро, пытаюсь привлечь внимание мужа. Разумеется, безуспешно...

Мы сели в автомобиль. За рулем в этот раз был сам Ингольв (Утер все еще не оправился от ранения). По правде говоря, из мужа никуда не годный водитель, поэтому не было пределов моей радости, когда машина остановилась у особняка мэра.

Нас любезно приветствовали хозяева: господин Фритрик и его жена Гюльвейг, похожая на гладиолус, – высокая, величественная, в изысканной шляпке и простом платье с затейливыми украшениями на рукавах и у шеи. Помнится, весь остров недоумевал, как мэра угораздило на склоне лет жениться на молоденькой вдове, но он, кажется, был совершенно счастлив.

Мужчины принялись обсуждать новейшие политические веяния, а мы с хозяйкой дома обменялись традиционными любезностями.

– Моя дорогая Миррочка, вы все хорошеете! Такой румя-

нец, и щечки округлились – вы поправились на домашней стряпне или?.. – фамильярно проворковала Гюльвейг, норовя коснуться моей щеки накрашенными губами.

В любом разговоре она всегда старалась побольнее уколоть собеседника, так что особого внимания на этот выпад я не обратила.

Любовь к вкусной пище – обратная сторона чувствительности к запахам. Обоняние и вкус тесно взаимосвязаны, и без аромата кушанья теряют львиную долю своей притягательности. Впрочем, несмотря на «чревоугодие» и двое родов, я все еще могла похвастаться приятными формами.

Бывает отравленный мед, собранный с болотного вереска, аконита, азалии, рододендрона, багульника. Именно на такой пьянящий сладкий яд походила Гюльвейг.

– А вы, моя дорогая Гюль, вижу, наконец нашли достойного парикмахера? – парировала я в той же манере, пропуская мимо ушей «комплимент».

Хозяйка дома поморщилась и ответила кислой улыбкой. Пожалуй, самым слабым звеном в ее почти безупречной внешности действительно были волосы: тусклая и редкая шевелюра доставляла ей немало огорчений. Гюльвейг отчаянно пыталась скрыть недостаток с помощью шляп, накладных локонов и прочих ухищрений.

Так что она предпочла сменить тему:

– Мы так давно не виделись! Непременно завтра же к вам загляну! Мне нужен крем для лица и еще... – царственно

сообщила Гюльвейг.

Взаимная неприязнь нисколько не мешала ей приобретать у меня косметику.

– Вечная тема... – хохотнул мэр. – Госпожа Мирра, господин Ингольв, простите, нам с женой нужно идти к гостям.

– Конечно, – ответил за нас двоих муж. – Мирра будет рада видеть вас, госпожа Гюльвейг.

Они отбыли, а вскоре мне пришлось успокаивать подружку, которую тоже не обошла вниманием хозяйка дома. Гуда походила на огонек свечи – неяркая, теплая и уютная.

– Зачем она так? – тихонько спросила Гуда, сжимая мою ладонь и пытаясь удержать слезы. – Прозрачно намекнула, что Торольд женился на мне ради денег! А еще, что у меня сыновья не от мужа!

– Это от безделья, не обращай внимания, – посоветовала я. – Торольд тебя любит, и никакая Гюльвейг этого не изменит.

– Мне так одиноко без него, – пожаловалась она со вздохом. – Он же все время в море!

– Но он всегда возвращается, так что утри слезы и перестань думать о глупостях! К тому же у тебя есть сыновья, и младший еще несколько лет будет рядом.

Гуда наконец улыбнулась, к явной досаде Гюльвейг...

Этот вечер походил на множество других: чинные разговоры; колкости, замаскированные под любезности; перемены блюд и похвалы хозяйке дома. Не прием, всего лишь

небольшой званый ужин.

Когда мужчины выкурили свои сигары и выпили по бокалу коньяку, а дамы вдосталь насплетничались, гости вновь собрались в гостиной.

Дождавшись, пока немного уляжется шум, дородный и степенный господин Фритрик потребовал всеобщего внимания и с гордостью провозгласил:

– Дорогие гости, а сейчас сюрприз! – Он обвел взглядом присутствующих, словно фокусник, упивающийся успехом нового трюка. – Для вас споют и сыграют Ратори и Петша!

Он сделал жест, будто достал кролика из шляпы, и в комнату буквально ворвалась пара. В Хельхейме живут лишь хель, люди и ледяные драконы, так что кочевых орков – южных гостей – приветствовали с восторгом.

Она, уже весьма потрепанная жизнью, но по-прежнему завораживающе яркая, и он, молоденький мальчик в пестрых тряпках, с удивительно наивным взглядом. Музыканты казались единым целым: гитара в его руках плакала и смеялась, и эти звуки будто обнимали глубокий голос женщины, заставляя сердце колотиться в груди, а глаза влажнеть...

Прослушав несколько романсов, все возжаждали танцев, и мрачноватые песни – красно-черные, огненные, жгучие, как перцовая настойка, – сменились медленными мелодиями.

Осенними листьями закружились пары, повинуюсь ветру нот – то взмывая ввысь, то опадая на землю...

Ингольв обнимал меня, я послушно скользила в его объятиях по драгоценному дубовому паркету и вспоминала, как танцевала с ним еще девчонкой. От запаха воска и лимонного масла у меня тогда кружилась голова, а руки и губы любимого были так близко...

Как же мы были тогда счастливы!

«Нужно помириться», – решила я и слегка погладила плечо мужа.

Раньше он непременно отзывался бы даже на такое легкое прикосновение, однако теперь лишь недовольно поморщился. Мы давно лишь изображали любящую пару. Игра на публику, не более.

Но как бы то ни было, он мой муж.

Следовало придумать предлог для примирения. Я отнюдь не рассчитывала на извинения: Ингольв никогда не просит прощения, даже когда сознает свою неправоту.

Нежная улыбка, несколько танцев и чуть-чуть шампанского...

Надо думать, по возвращении домой примирение должно было состояться само собой, в супружеской спальне. Однако Ингольва перехватил мой драгоценный свекор и принялся втолковывать ему что-то о политике.

Понаблюдав немного за мужем, я с досадой увидела, как в его глазах мечтательный блеск сменился совсем иным чувством, и почувствовала, что исходящий от него дурманящий запах мускуса сменился мятой и лимоном.

– Милый, я совсем устала и пойду к себе... – заявила я, вставая и расправляя складки платья. Подойдя к мужу, запечатлела на его щеке поцелуй. Ингольв слегка дернулся – надо думать, рассчитывал он вовсе не на эту почти сестринскую ласку.

Господин Бранд скептически хмыкнул:

– Мириться надумала?

Разумеется, Ингольв тут же принял неприступный вид!

Благоухая лавром – торжеством, – свекор послал мне за его спиной победную улыбку. Оставалось только улыбнуться, проворковать «спокойной ночи» и отбыть к себе. Могу поклясться, что муж остался не слишком доволен таким исходом...

Добравшись до спальни, я вызвала горничную и принялась приводить себя в порядок. Протереть розовой водой усталую кожу; распустить и расчесать волосы; надеть тончайшую рубашку, которая соблазнительно обрисовала линии тела; нанести пару капель духов на точки пульса... Масла розы, сандала и ванили обволакивали меня чарующим ароматом, заставляя учащенно дышать...

Оставалось подготовить мизансцену. Уннер тихонько выскользнула из комнаты, оставив дверь приоткрытой. Она сообщила, что Ингольв уже собрался наверх.

Услышав шаги мужа (чеканит шаг, как на плацу!), я глубоко вздохнула и завизжала. Кстати пришелся опыт игр в пиратов с братьями, когда меня заставляли залезать на дерево

и оттуда вопить, изображая вперёдсмотрящего...

Никакого риска: едва ли на мой крик явится свекор, а уж тем более слуги – Сольвейг слишком меня не любит, Сигурд редко ночует один, а Уннер строго-настрого велено не вмешиваться.

Спустя минуту дверь распахнулась, и я бросилась мужу на шею, бессвязно бормоча:

– Прости, прости, я не должна была кричать! Я просто перепугалась. Перепугалась... Ох, прости...

Я кивнула на постель, где восседал здоровенный паук (выловленный горничной в кладовой), и, всхлипывая, умоляла избавить меня от этого исчадия Локи.

Боюсь, я переигрывала, но какой мужчина в силах думать о достоверности, когда к нему прижимается полуобнаженная женщина, а за ее спиной виднеется гостеприимная кровать? К тому же принято считать, что даже самая спокойная и отважная дама при виде мышки или паучка впадает в панику. Зачем развеивать это удобное заблуждение?

Разумеется, вскоре страшный враг был повергнут, слабая женщина в моем лице защищена и утешена, а примирение состоялось как-то незаметно и естественно...

Следующие две недели не ознаменовались ничем примечательным. Разве что разговор с Утером заслуживал некоторого внимания.

Утер выбрал момент, когда Ингольва не было дома, и постучал в «Уртехюс». При виде меня он вытянулся по струн-

ке, изображая недалекого вояку.

– Здравствуйте. Присаживайтесь, – гостеприимно предложила я, с радостью отвлекаясь от подсчета склянок с ингредиентами.

Он жестом отказался, и я вопросительно взглянула на него.

– Здравствуйте. Доктор. Сухожилие. Отставка, – исчерпывающе объяснил Утер, кивая на раненую руку, все еще покоящуюся на повязке.

– Как жаль! – искренне огорчилась я.

Выходит, ему пришлось расплачиваться за мою глупость и самонадеянность в истории с господином Гюннаром.

– Я уверена, Ингольв назначит вам хорошую пенсию.

Утер кивнул, видимо, нисколько в этом не сомневаясь. Чего у мужа не отнять, так это заботы о своих людях. В сердцах он может нагрубить или наорать, но никогда не оставит подчиненного без помощи.

Беспокойство, легко читаемое в исходящем от Утера горьковатом аромате горчицы и маринованного лука, видимо, имело совсем иную причину.

– Сбережения. Пенсия. Хватит, – подтвердил Утер, и я вздохнула с облегчением. Он тем временем продолжил: – Сын. Вместо меня.

– У вас есть сын?!

Я даже не подозревала, что у него есть семья!

– Трое. Младший.

– Вы прочтите вашего младшего сына на место ординарца Ингольва? – переварив его слова, уточнила я.

Утер молча кивнул.

– Вы хотите, чтобы я уговорила мужа?

Он снова кивнул, и от него повеяло нежным-нежным благоуханием весеннего сада. Так пахнет надежда – едва уловимый аромат распускающихся почек.

– Разумеется, я поговорю с мужем! – заверила я...

Слава Тюру, покровителю справедливости, муж не стал упрямиться, и осчастливленный ординарец вскоре убыл в родной поселок...

Следующие дни в доме царили лад и взаимопонимание. Свекор затеял генеральную уборку, поэтому слуги прилежно трудились, а Ингольв старался появляться как можно реже.

Я же с самого утра сбегала в «Уртехюс» и обреталась в этом личном убежище до самого вечера. Множество посетителей не давали скучать, заставляя крутиться между лабораторией и приемной как белка в колесе.

Пожалуй, среди многочисленных гостей мне особо запомнились повторный визит госпожи Ундисы и некая дама, посетившая меня с весьма своеобразной просьбой.

Впрочем, обо всем по порядку...

Я возилась с помадой, которая никак не желала принимать задуманный оттенок, когда на пороге появилась расфуфыренная особа, в которой мне почудилось что-то смутно знакомое.

Внешне она напоминала бeze: вспушенные и высоко поднятые белесые волосы походили на взбитые белки, кружевное платье пенилось вокруг аппетитной пышной фигурки. Гостью окутывал аромат ванили, молока с медом и булочек с корицей, но сквозь эту благоуханную вуаль пробивалась противная нота подгнившего картофеля.

– Мне нужно, чтобы мужчина потерял голову! И чтобы он был неутомим! – громко заявила она прямо с порога, даже не поздоровавшись.

У нее был хорошо поставленный голос, но вот смысл сказанного и поведение... Несомненно, в ее знании правил приличия зиял большущий пробел.

– Здравствуйте! – Чужая невежливость мою не оправдывает! – Прошу прощения за нескромный вопрос, но вы замужем?

Я выразительно взглянула на ее руку, отягощенную тремя массивными кольцами. Обручального среди них не наблюдалось.

– А какое это имеет значение?! – презрительно вздернув подбородок, спросила она. – У вас есть товар, я хочу его купить. Вот и продавайте!

– Значит, нет...

Каюсь, эта вульгарная особа мне попросту не понравилась. Быть может, у аромага не должно быть симпатий и антипатий, но...

Я сладко-сладко улыбнулась.

– Боюсь, в таком случае я не смогу вам помочь... барышня. – Я намеренно выделила последнее слово. Для незамужней девушки просить подобное средство – моветон! – Для этого потребуется согласие вашего... хм, возлюбленного и предписание врача.

Откровенно говоря, закон не столь строг к подобным зельям, как я пыталась представить. Письменные заявления и кавалера, и дамы требуются лишь для опасных средств вроде шпанских мушек (которыми я, кстати сказать, не торгую). Однако это был удачный предлог для отказа.

Она еще некоторое время тщетно меня уговаривала, все повышая цену, пока я не выдержала:

– Извините, но я ничего не продаю из-под полы. Мое решение окончательное. Всего доброго!

Фразы выходили рубленые, потому что у меня разболелась голова от удушливой сладости ее духов.

Дама фыркнула и удалилась, гневно заявив напоследок:

– Ноги моей больше тут не будет!

Оставалось только пожать плечами в ответ. Настроение мне эта бесцеремонная особа испортила напрочь.

Пожалуй, нужно сделать подушечки от моли – мягкий успокаивающий аромат лаванды должен подействовать на меня благотворно...

Ее привозят с юга Мидгарда, из тех самых мест, откуда я родом. Тонкое благоухание воскрешает в памяти просторный дом бабушки и деда, стоящий на холме посреди лаван-

довых полей. Помню, как бабушка учила меня аккуратнo об-
ламывать сухие стебельки и наполнять соцветиями мешоч-
ки, на которых заранее вышивала руну альгиз – защита, а де-
душка над ней подтрунивал и говорил, что лучше не моро-
чить голову и взять нафталиновые шарики. Бабуля, конечно,
негодовала: «Чего еще ждать от аптекаря?», но улыбалась...

Воспоминания мягкой пуховой шалью укутали душу.

Вскоре я успокоилась и уже с улыбкой думала о том, что в
последнее время разнообразные «любовные зелья» пользу-
ются спросом...

Следующий день выдался суетливым.

С самого утра примчалась мамочка с малышом, которо-
му она додумалась дать «взрослое» лекарство, а потом спо-
хватилась и перепугалась. Далее прыщавый юноша, которо-
му требовалось не столько лечение, сколько утешение. За-
тем гнусавая старая дева с просьбой как-нибудь успокоить ее
обожаемую дымчатую кошку, которая, мол, «плакала и жа-
ловалась от боли, бедняжка»...

С нерадивой мамашей пришлось провести воспитатель-
ную беседу. Дети и старики очень восприимчивы, поэтому
далеко не все эфирные масла для них годятся, а подходящие
следует брать в минимальной дозировке. К счастью, чадо ни-
сколько не пострадало, так как «лекарство» оказалось без-
обидной лавандовой водой.

Юноша получил порцию сочувствия, а также мазь с ок-
сидом цинка и маслом чайного дерева (подобные средства

всегда пользуются спросом, поэтому я обязательно держу запас).

Ну а даме я как можно мягче и деликатнее сообщила, что кошечка просто требовала внимания кота. Ее нужно отпустить погулять или успокоить настойкой валерианы, причем первое предпочтительнее. Владелица несчастного животного оскорбленно заявила: «Моя Асгердис не такая!» – и высказала много нелестного, прежде чем наконец удалиться...

Словом, к вечеру уже хотелось только тишины и покоя.

Чтобы немного успокоить нервы, я принялась делать мазь – это всегда умиротворяет.

«Быстрым способом», то есть на водяной бане, вытяжка будет томиться часа три, а пока надо составить рецепт. Что бы еще добавить?

Немного масла таману, настойка календулы, любисток... Совсем чуть-чуть, тут главное, не переборщить.

Я так сосредоточенно отмеряла сырье и заливала его экстрагентом, что не услышала стука в дверь и вздрогнула от раздавшегося совсем рядом голоса госпожи Мундисы:

– А что это вы делаете?

Отвлечшись, я, разумеется, едва не плеснула масло в огонь.

– Работаю!

Должно быть, это прозвучало довольно невежливо, и молодая женщина залилась краской.

– Извините... – пискнула она. – А можно я посмотрю? А

что это? И зачем?

– Любисток для мази от псориаза, – ответила я и направилась к шкафу за экстрактом чистотела и маслом нима.

– Ой, а правда, что он гарантирует вечную любовь?

– Вполне может быть, – отозвалась я рассеянно, отвинчивая крышку на бутылочке с маслом. Брр, ну и гадость этот ним – «благоухает» гнилым луком, – но исключительно полезная гадость. – Не зря ведь говорят, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок...

Наконец все нужные пузырьки выстроились в ряд, на плите тихонько забулькала кастрюлька с водой, а по комнате распространился сильный запах прополиса и воска.

– Простите, что не уделила вам должного внимания, – высокопарно извинилась я, – слушаю вас. Давайте присядем, выпьем чаю. И вы расскажете, что вас ко мне привело.

Заинтересованность и внимание, которые читались на милостивом личике госпожи Мундисы, стекли, как внешняя вода.

– Холлдор мне изменяет, – убито сообщила она, безвольно опуская руки.

Сразу вспомнилась строчка из учебника: «При ревности используются иланг-иланг, ромашка, жасмин, валерьяна, герань».

Любопытно, а сами авторы подобных пособий пытались следовать своим советам? Разумеется, эфирные масла помогают преодолеть навязчивые состояния, но, к сожалению, не способ-

ны искоренить их причины.

К тому же масла не всегда уместно использовать. Например, мой драгоценный супруг едва ли согласится нюхать «какую-то вонючую гадость», по его собственному выражению, вместо того чтобы немедленно получить отчет, где я «прохлаждалась» и с кем.

Я осторожно взяла госпожу Мундису под руку и усадила на диванчик. Она по-детски обняла подушку и закусил губу.

– Послушайте, может быть, так будет лучше? Если внимание вашего мужа, так сказать, разделить между двумя дамами, оно станет менее утомительным... – тщательно подбирая слова, промолвила я, чтобы проверить ее реакцию. Не так давно она желала любой ценой избежать нежного внимания мужа, а теперь, надо думать, спохватилась...

И верно, она сочла меня монстром: отшатнулась, взглянула с ужасом и оскорбленно выкрикнула:

– Да вы! Как вы смеете такое предлагать?!

Я пожала плечами и козырнула одним из любимых высказываний инспектора Сольбранда:

– Не сумел срубить дерево – хотя бы натруси с него плодов!

Право, лучше иметь дело с карманниками и убийцами, чем с истеричными дамами!

Она отчаянно замотала головой:

– Ни за что! Я... я не смогу смириться. Не смогу... Он больше меня не любит!

Тут госпожа Мундиса вполне предсказуемо разрыдалась, и пришлось ее утешать. От нее пахло луковым соком – болью и слезами – остро и горько, резко до отчаяния.

– Ш-ш, не хнычьте, иначе муж заметит ваши заплаканные глазки, – глядя по руке, уговаривала я ее, как ребенка.

– Пусть! – всхлипнула она. – Пусть он все видит, пусть! Действительно, совсем как дитя. Взрослая женщина не будет рассчитывать на жалость мужа, это вовсе не то чувство, которое ей хотелось бы читать в его глазах.

– Не говорите глупостей! – велела я строго.

– Я... я думаю, она его приворожила! – вдруг выпалила она с ненавистью. Ненависть воняет дегтем – густым, темным, липким – и так же легко пачкает... – Он совсем потерял голову...

Что я могла ответить? Боюсь, мужчины чаще сходят с ума безо всяких приворотов.

– Пригласите меня в ваш дом, под любым предлогом, – предложила я, доверительно положив руку на плечо всхлипывающей молодой женщины и заглядывая в несчастные заплаканные глаза. – Думаю, я замечу, если что-то не так. И не вздумайте устраивать сцены и выяснять отношения: любой мужчина тут же сбежит от сварливой жены к нежной любовнице.

– Хорошо, – покорно согласилась она. – Я вам напишу.

– И возьмите вот это. – Я протянула ей бутылочку с наспех смешанными эфирными маслами.

Она открыла склянку, и по комнате разлился запах. Свежую фруктово-леденцовую ноту горького апельсина оттеняли искрящийся мандарин и прохлада мяты, а в самом сердце таилось чуть-чуть цветочной сладости иланг-иланга. Бледные щеки госпожи Мундисы даже слегка порозовели.

Людям больше всего нравятся «вкусные» запахи, а также радостные цитрусовые и бодрящие хвойные – они подходят практически всем и при этом универсальны. Вот и сейчас от благоухания будто поблек запах горя, а сквозь темные тучи обиды и ревности пробился солнечный луч.

– Накапайте на носовой платок и вдыхайте почаще. Можно смешать пять капель со стаканом сливок и влить в ванну. Это поможет. И прошу вас, не закатывайте скандалов!

Она неуверенно кивнула, слабо улыбнувшись.

Пожалуй, ей подойдет жасмин: медово-цветочный густой аромат не только умиряет ревность, но и поднимает настроение, усиливает чувственность. Да, это именно то, что нужно.

Я достала с полки флакончик духов и вручила растерянной клиентке, заверив, что это средство ей непременно поможет. К этому времени она уже, должно быть, числила меня среди ближайших друзей, раз открыто обсуждала столь щекотливые темы и прибегала плакаться. Впрочем, доверие – одна из важнейших составляющих лечения.

– Вы что-нибудь знаете о... – Я поколебалась, подбирая слово, и закончила: – Об этой особе?

– Да! – Судорожно вздохнув, она выложила немногие сведения, которыми обладала: – Ее зовут Асия, она сестра господина аптекаря. Приехала в Ингойю месяц назад. Ей двадцать семь, не особенно красива... Что он в ней нашел?!

Боюсь, на этот вопль души женщин всех времен и народов не сможет внятно ответить даже сам неверный муж.

– Не припомню, чтобы господину Фросту помогал кто-то, кроме его ученика... – Я поспешила перевести разговор на другую тему.

– Она не помогает брату, – презрительно фыркнула госпожа Мундиса, сморщив чуть вздернутый носик, – только за женихами гоняется. И до сих пор безуспешно, бедняжка!

В последнем слове было столько яда, что хватило бы отравить все семейство аптекаря.

– Ох, как поздно! – спохватилась она, бросив взгляд на часы. – Мне давно пора, Холлдор будет ругаться!

По-моему, ей отчаянно хотелось, чтобы он заметил ее отсутствие, разволновался, даже отчитал. Только бы не смотрел мимо! Так дети специально шалят, когда родители не обращают на них внимания.

– Жду письма, – настойчиво напомнила я.

– Конечно, – кивнула светловолосой головкой Мундиса. На этот раз на ней была шляпка попроще, бархатная, с тремя помпонами. Взяла зонтик, устремилась к двери и только на пороге спохватилась. Помялась, потом выпалила: – Госпожа Мирра, скажите, а ваше лекарство – то, которое вы давали

для Холлдора, – не может вызывать более или недомогания?

– Он заболел? – встревожилась я, откладывая в сторону плед, в который уже собралась укутаться. Проклятые хель-хеймские холод и сырость пробирали до костей, хотя последний год выдался на удивление теплым.

– Да, немного. Так может?

– Пожалуй, – признала я. Действительно, эфирные масла и травяные сборы все равно остаются лекарствами, потому возможны побочные эффекты и даже индивидуальная непереносимость, а «принюхаться» к господину Холлдору госпожа Мундиса мне не позволила. – Постарайтесь, чтобы я смогла взглянуть на него как можно скорее. И, разумеется, больше не давайте мужу тот состав, что я прописала.

– Конечно! Может быть, завтра... А теперь мне пора!

С этими словами она стремительно выбежала за дверь. Послышался фыркающий звук мотора, звонкий голос госпожи Мундисы, чей-то бас...

Определенно, в разведку бы ее не взяли! Додумалась тоже – явиться ко мне на мужнином автомобиле, вместо того чтобы взять кэб!

После ее визита не работалось: разболелась голова, глупые воспоминания не давали сосредоточиться, а хрупкие склянки норовили выскользнуть из рук.

Сняв передник и отставив в сторону драгоценные хельские пузырьки (выточенные из льда и зачарованные, они предохраняли содержимое от порчи), я взглянула на часы и

с огорчением убедилась, что до обеда еще больше часа. Все-таки бывают моменты, когда даже самое любимое дело не вызывает должного энтузиазма.

Решив немного побездельничать, я достала из шкафа новый роман, поудобнее устроилась в кресле у торшера и погрузилась в чтение. Все эти пылкие признания и головокружительные побеги, жаркие сцены и удивительные совпадения, должно быть, приводили в экстаз чувствительных барышень, восполняя недостаток подобной сентиментальной чуши в реальной жизни. Подобные шедевры всегда меня развлекали: живописание любовных страданий и детективные перипетии зачастую были столь нелепы, что заставляли хотать от души.

Надо думать, я была бы безжалостным критиком, но, на счастье авторов, эта стезя меня не привлекала...

На следующий день доставили записку от госпожи Мундисы, в которой она извещала, что ждет меня завтра к ужину...

То утро я провела у портнихи, потом ненадолго заглянула в шляпный магазин. Устроила себе выходной и нисколько об этом не жалела.

После обеда я отправилась на крышу, в теплицу, и тихонько наслаждалась бездельем и ласковым шелестом листьев. В Ингойе почти все дома имеют сады под крышей, которые снабжают местных жителей всевозможными овощами и фруктами, вплоть до бананов и апельсинов. Дремлющие

в глубине острова вулканы подогревают воду подземных источников, и этого тепла вполне достаточно для обогрева всего города. Каминьы здеь – всего лишь дань уюту и признак респектабельности.

Владения Палла, садовника, радовали глаз буйством красок и благодатной зеленью листвы, пьянящей свежестью воздуха и благословенной тишиной. Тихоня Палл принес поднос с фруктами и исчез в своей каморке, оставив меня в одиночестве...

Впервые за долгое время я дышала легко, наслаждаясь шелестом листвы, мягким светом и облаком ароматов. Как будто снова оказалась в родном Мидгарде, в бабушкиной оранжерее, и не было всех этих лет... Впрочем, тогда не родился бы Валериан...

Послышался торопливый звон каблучков на лестнице, и спустя несколько мгновений показалась Уннер.

– К вам инспектор Сольбранд, госпожа Мирра, – присела в книксене горничная, пытаясь отдышаться. – Изволите принять?

– Разумеется! Проводи инспектора в янтарную гостиную, я сейчас спущусь.

Уннер отправилась выполнять указание, и я, вздохнув, отряхнула платье и пошла следом.

Янтарная гостиная – моя любимая комната. Из-за обилия теплых молочно-желтых, персиковых, имбирных, шафранных оттенков кажется, что солнечный свет постоянно врывается

ется через распахнутые ставни. Оранжевый и желтый цвета подслащивают жизнь, согревают уставшее тело и душу...

Инспектор в своем черном одеянии смотрелся на этом фоне словно чернильная клякса.

– Здравствуйте, инспектор, – улыбнулась я, протягивая руку.

Однако он будто не заметил этого жеста, даже не улыбнулся в ответ. Сжал челюсти так, что на скулах заиграли желваки, и лицо еще сильнее заострилось. Казалось, сейчас он бросится вперед, как хищная птица. От него несло яростью – жгучим запахом хрена.

Признаюсь, в первый момент я растерялась, столкнувшись со столь неожиданной агрессией.

– Инспектор, надеюсь, вы позавтракали? Потому что уверяю вас – я не съедобна! – натужно пошутила я, спокойно глядя прямо в желто-карие глаза. Неважно, что говорить – главное, продемонстрировать, что нисколько не испугана напором. В нас слишком много животных инстинктов, и уступчивость вызывает желание преследовать и нападать, хладнокровие же, напротив, отпугивает. – Выпейте и успокойтесь!

Я отворила дверцу буфета и плеснула в стакан настойки. Коньяком назвать ее можно с большой натяжкой, хотя основой действительно послужил этот благородный напиток. Мой благоверный к ней пристрастился, не подозревая, что она сдобрена изрядной порцией душицы, кориандра и бергамота. Помимо пряно-терпкого аромата, травы придавали

неповторимый вкус и целебное действие: улучшали пищеварение и умирляли вспыльчивый нрав.

Едва ли муж стал бы пить травяной чай или нюхать эфирные масла, а вот вкусную «отраву» потреблял безропотно, даже с видимым удовольствием. Пожалуй, единственное, что нравилось Ингольву в моей профессии, – это эксперименты с алкоголем.

Господин Сольбранд одним глотком опустошил стакан, после чего попытался перейти к причине своего визита, но я не позволила.

Дождаясь, пока лекарство подействует, стала болтать о всяких пустяках, не давая гостю даже слово вставить. Разумеется, инспектор пропускал мимо ушей весь этот женский треп, но мерное журчание голоса и щедро рассыпаемые банальности успокаивали не хуже ударной дозы валерианы.

Наконец его сжатые кулаки расслабились, а на губах обозначилась улыбка. От него повеяло дружелюбием – прозрачно-свежей кислинкой чая с лимоном и медом.

– Еще коньяку? – предложила я, с облегчением переводя дух. Нести чушь с непривычки так же утомительно, как делать математические расчеты.

– Нет, голубушка, – отказался он, склонив голову к плечу и отчего-то хитро глядя на меня. – Очень интересная настоечка. Любопытно, что туда добавили? Вижу, вы окончательно заделались отравительницей!

Он улыбался, но взгляд был по-прежнему цепкий.

– Отравительницей? – переспросила я, поднимая брови. – Уверяю вас, инспектор, если вы сейчас забьетесь в корчах, то отравила вас не я, а ваше собственное начальство!

Господин Сольбранд рассмеялся. Его действительно обожали подчиненные, но не переносили вышестоящие чины. Как и везде, руководство ИСА не любило чрезмерно деятельных и въедливых работников.

– Именно, отравительницей, – повторил он неожиданно серьезно. – Инспектор Берни настаивает на вашем аресте, голубушка, как сообщницы мужеубийцы.

От неожиданности я задохнулась. Вновь обретя способность дышать, внимательно посмотрела на своего давнего друга и убедилась, что он серьезен как никогда. Гнев его унялся, но раздражение, недоумение, неверие пробивались сквозь наносное спокойствие. Как будто в нос шибал запах только что приготовленных духов, которые еще не успели созреть и представляли собой смесь противоборствующих ароматов. Кстати, благовония в этом смысле похожи на хорошее вино – требуют хорошей выдержки.

Тем временем инспектор, видимо удовлетворившись моим непритворным смятением, откинулся в кресле.

– Господин Сольбранд! – строго вымолвила я со всем достоинством, на которое была способна. Поправив на груди янтарные бусы, я чинно сложила руки на зеленой шерстяной юбке и потребовала: – Прекратите, наконец, говорить загадками! Что случилось?

– Случилось? – Он извлек из кармана потертую трубку и принялся священнодействовать над ней, даже не спросив разрешения.

Я слегка поморщилась – ведь инспектор прекрасно знал, что табачный дым отбивает чутье! – и с упавшим сердцем поняла, что он делал это намеренно. Отчего-то мой давний друг не хотел, чтобы его эмоции можно было унюхать, и от этого стало не по себе, тревожно и зябко.

С удовольствием затянувшись, он выдохнул густой дым, делая вид, что не заметил, как я демонстративно пересела подальше, и продолжил размеренно:

– А случилось вот что, голубушка. Некий господин Холлдор отравлен. По счастью, не насмерть, но состояние его внушает опасения. Кухарка и служанка в один голос твердят, что видели, как женушка подсыпала ему в кофе некий подозрительный порошок. Видимо, надеялась, что его смерть спишут на холеру – симптомы схожи, – да вот доктор Торольв что-то заподозрил, послал за полицией и сделал какую-то там мудреную пробу. А после уверенно заявил, дескать, никакая это не холера, а типичное отравление мышьяком. Так вот, голубушка, инспектор Берни всех допросил и заарестовал дамочку. У нее и мотив обнаружился как на подбор: судачат, что супруги ругались из-за какой-то его интрижки, а она кричала, дескать, ни за что не даст ему уйти! Вот и попала госпожа Мундиса как кур в ошип...

– Мундиса?! – вздрогнув, воскликнула я. До того я слуша-

ла инспектора внимательно, но несколько отстраненно, принимая его рассказ за очередную побасенку.

– Вы ее знаете? – Напружинившись, он подался вперед, позабыв о трубке. – Вы давали ей что-нибудь?

– Разумеется! – кивнула я, пытаясь слегка успокоиться. Чтобы это пустоголовое невинное дитя безжалостно отравило любимого мужа, пусть даже из ревности... Нет, в голове не укладывалось. – Не верю! – произнесла я решительно. – Я не верю, что госпожа Мундиса могла это сделать.

– Слуги болтают, что она сыпала мужу что-то в еду, – терпеливо напомнил инспектор, все так же внимательно следя за мной. – А она не признается, что именно, только пролепетала, мол, у вас взяла. Вот Берни и сделал стойку. Он ведь вас, голубушка, недолюбливает еще с тех пор, как вы выходили его тещу...

Я через силу улыбнулась, вспоминая ту давнишнюю историю. Теща инспектору Берни и впрямь досталась сварливая настолько, что ее охотно огрели бы по голове не только родственники, но и соседи. Надо думать, немало молитв милосердным асам и Хель вознеслось к небесам, когда она сильно простудилась, – только не за здоровье, а за упокой. Мое вмешательство позволило старушке дальше терроризировать близких, за что, если верить господину Сольбранду, некоторые меня люто возненавидели.

– Так что вы ей дали, голубушка?

– Не скажу! – мгновение поколебавшись, отрезала я.

Назвать истинную причину визита госпожи Мундисы без ее разрешения означало подорвать доверие ко мне. А подобные вещи очень быстро становятся известны!

– На дознании вам придется все рассказать, – заметил инспектор.

– Что же, тогда и посмотрим.

– Вы понимаете, насколько подозрительно это выглядит, голубушка? – поинтересовался он серьезно.

Я впилась пальцами в подлокотники кресла.

– Постойте, неужели вы всерьез заподозрили, что я продаю яды и учу ими пользоваться?!

– Голубушка, – инспектор не отвел взгляда, и вдруг показалось, что в его глазах светилось сочувствие, – у всякого наличествует своя ветвь омелы...⁷

– Да? Очень любопытно, – холодно произнесла я, вставая. – И какое же больное место у меня, по-вашему?

– Говорят, у госпожи Мундисы муж погуливает... – задумчиво произнес он, сложив пальцы «домиком».

– И?..

– Простите меня, голубушка, но то же поговаривают и о вашем...

У меня попросту не было слов. Надо думать, «леденцы» сочли, что я совсем помешалась от ревности и вознамери-

⁷ Ветвь омелы – примерно соответствует нашему «ахиллесова пята» или «уязвимое место». По легенде, мать Бальдра взяла клятву со всех растений не причинять вреда сыну, только омелу пропустила – сочла безопасной. Конечно, именно стрелой из омелы его и убили.

лась отравить всех неверных мужей в окрестностях?! Боюсь, в таком случае Ингойя опустела бы почти наполовину.

– Инспектор, – я мило улыбнулась и гордо подняла подбородок (понимая, что бездарно подражаю бабушке), – во-первых, мои отношения с мужем – это не ваше дело. А во-вторых, если бы мне впрямь пришла в голову такая странная фантазия, уверяю вас, я бы выбрала такой яд, о котором дорогой доктор Торольв даже не подозревает. А если вы все-таки заподозрили, что я могла кого-то отравить... Что же, тогда я вас больше не задерживаю. И надеюсь, в следующий раз у вас будет ордер, потому что без него вас даже на порог не пустят!

Я выдохлась и замолчала, тяжело дыша. В клубах табачного дыма и слабом свете комната казалась нереальной, привычные запахи тонули в этом едком дыму, заставляя меня чувствовать себя почти слепой.

– Ну-ну... – протянул господин Сольбранд неодобрительно.

Он встал, прошествовал к выходу, взялся за дверную ручку и обернулся:

– Не злитесь, голубушка. Инспектор Берни требует от начальника полиции, чтобы вас сейчас же арестовали, а того пока удерживает авторитет вашего мужа. К слову, мне запретили вам об этом рассказывать... И еще. Господин Гюннар бежал из-под стражи, и я более чем уверен, что его сознательно отпустили. Хотелось бы знать, кто и почему, но в это

дело велено не лезть... Поразмыслите об этом, голубушка!

И вышел, осторожно притворив дверь.

Я бессильно опустилаcь, почти упала в кресло. В голове роем рассерженных пчел жужжали мысли.

Признаю, я вспылила и была слишком резка с инспектором. Мысль, что похождения Ингольва обсуждали в кулуарах, считая меня ярящейся от ревности клушей, заставляла меня внутренне корчиться от унижения. Не столько задевал сам факт – я давно с ним смирилась, – сколько роль обманутой жены. Неудачницы. Достойной жалости...

Так, прекратить немедленно! Я сжала виски, до боли закусилa губу, потом отправилась к себе в спальню и нашла пузрыек с мускатным шалфеем. Глубоко вдохнула – раз, другой, третий... Пока не почувствовала, как отпускает напряжение.

Совсем другое дело! Теперь надо подумать всерьез. Разумеется, я не давала мышьяк госпоже Мундисе. Тогда что она сыпала в тарелку мужа? Масла никак нельзя сыпать, разве что капать, да и к этому времени она уже наверняка перестала потчевать любимого моими снадобьями...

Неужели глупышка действительно его отравила? Я покачала головой: нет, не верю. Тогда что?!

Довольно метаться по комнате, как мышь между двумя кусками сыра, нужно сейчас же отправляться туда и порасспросить прислугу, а также доктора и, по возможности, самого пострадавшего.

По звонку явилась Уннер (после давешней взбучки она стала необыкновенно прилежна и расторопна), и я велела ей найти кэб. Подумав, нанесла на виски и запястья немного ванильных духов – ваниль вызывает доверие – и велела передать господину Бранду, что не вернусь к ужину...

Передвигаться по Ингойе мне приходилось либо пешком, либо в кэбе, изредка – в автомобиле.

Омнибусы так пропахли многочисленными пассажирами, что у меня моментально начинала болеть голова от одуряющей смеси запахов табака, кожи, духов, пота и бури чужих чувств. Проще уж переносить бензиновую вонь автомобиля! На обдуваемой ветерком крыше омнибуса дышалось легче, но там я всегда мерзла и, как следствие, простужалась. К тому же неприлично для порядочной женщины взбираться наверх!

Кэбы были немногим лучше, но в них мне хоть как-то удавалось дышать. Оставалось надеяться, что сын Утера, которого Ингольв изволил взять на место ординарца, также умел управляться с машиной и чинить постоянные поломки, к сожалению, типичные для этого транспорта.

Итак, оказавшись перед весьма помпезным домом госпожи Мундисы и господина Холлдора, я задумалась, что делать дальше. Нужно как-то представиться прислуге... Впрочем, всегда лучше говорить правду.

Дверь открыла особа неопределенного возраста.

– Что вам угодно? – заученно поинтересовалась она, глядя

куда-то мимо меня воспаленными глазами.

— Здравствуйте, я — госпожа Мирра, подруга вашей хозяйки, — осторожно отрекомендовалась я, пытаюсь говорить уверенно и одновременно мягко. — Я хочу помочь госпоже Мундисе...

При звуке этого имени из ее глаз вдруг хлынули слезы. Всхлипывая, она фартуком отирала покрасневшее лицо и безуспешно пыталась успокоиться. Я сориентировалась быстро: подцепила под локоток чувствительную служанку и шагнула через порог, увлекая ее за собой. Она покорно, словно лодка без руля и ветрил, последовала за мной. Откуда-то из глубины дома сногшибательно пахло выпечкой, и я устремилась на запах.

При виде меня в глазах дородной румяной кухарки мелькнула настороженность. Но, увидев всхлипывающую служанку, она всплеснула руками и бросилась ее успокаивать...

Спустя десять минут мы уже, не чинясь, сидели за одним столом и пили чай. Приглашение госпожи Мундисы окончательно растопило лед. Помогла ли ваниль завоевать доверие поварихи или той просто хотелось выговориться, но она болтала вовсю, позабыв и о разнице в положении, и о необходимости держать язык за зубами.

— Хозяин, он-то так хозяйку любил, так любил! Прямо на руках носил! — сентиментально вздохнула кухарка. Что любопытно, сказано было в прошедшем времени. — Только...

— Только? — подбодрила я. Она явно колебалась, пришлось

усилить нажим: – Я хочу вашей хозяйке только добра. Поверьте, я на вашей стороне.

Она кивнула с некоторым сомнением и, понизив голос, призналась:

– Только потом... это... у хозяина проблемы начались... ну, это... по мужской части-то!

Поперхнувшись чаем, я отставила чашку и попыталась отдышаться. Поражаюсь, сколько интимных подробностей известно прислуге!

– И что дальше?

Повариха огляделась по сторонам, будто опасаясь, что в кухонном шкафу прячется шпион (несомненно, пытающийся вызнать рецепт ее фирменного кекса, а потом уж тайны хозяев дома).

– Ну... Он-то хозяин, но он же и мужик! Вот и начал дурить... – совсем уж тихо произнесла она. – Еще и с этой связался...

– Понятно, – кивнула я. Мои догадки на этот счет подтвердились, но в целом ситуация яснее не стала.

– Она его приворожила! Точно вам говорю! – Повариха потрясла в воздухе лопаточкой для оладий.

Я с подозрением взглянула на почтенную управительницу поварешек и кастрюль: быть может, ее глаза блестят от лишней «капельки» бренди, влитой в чай для согрева?

Но она вовсе не казалась подвыпившей, напротив, ее маленькие бесцветные глазки горели любопытством и торже-

СТВОМ.

– Вы уверены?

– Ну да! – твердо подтвердила повариха, со стуком ставя на стол чашку, из которой только что со смаком потягивала крепкий чай. – Мы кое-чего нашли!

– И вы не сообщили в ИСА? – спросила я, уже догадываясь, каков будет ответ.

– В ИСА? Полиция никуда не годна! – презрительно провозгласила она, делаясь в гневе еще внушительнее. – Они заявили, дескать, хозяйка отравила хозяина! И рады-радешеньки! Как доктор сказал, что мышьяк-то был, так увезли ее сразу, голубушку нашу... А та пава так и разгуливает на свободе, хорохорится небось! Поверьте-то моему слову, это она все подстроила!

– Пожалуйста, покажите, что вы нашли, – попросила я, крепко сжав ее руку.

Она старательно наводила порядок на столе, смахивая невидимые крошки и источая сомнение, словно пар над кипящим чайником.

– Это ради госпожи Мундисы, – напомнила я мягко, и она неохотно кивнула. – Кстати, вы ей об этом сообщили?

– Нет, – созналась повариха. – Мы ж нашли все, когда ее уже увезли, бедняжку! Доктор велел перенести хозяина в другое крыло-то, чтобы его не тревожил шум. Аснё послали навести порядок в спальне. Обед-то готовить незачем, а что ж ей без дела слоняться-то?! Вот она и отыскала. В постели

хозяйской.

– Я хотела бы взглянуть, что вы нашли, – твердо заявила я. Не став спорить, повариха послала мальчика за Аснё.

– Мы не трогали ту пакость, даже пальчиком не притрагивались, все как было оставили! – гордо сообщила она, расправляя крахмальный передник и объемистый чепец, венчавший ее голову, как паруса – корабль.

Вскоре появилась искомая «кухонная девушка», которой было велено показать мне ее находку.

– И смотри мне, чтоб ни слова! – сурово наказала повариха служанке. – Посмей только!

– Да-да, – часто кивая, пообещала та. – Молчать буду!

А глазки у нее любопытно поблескивали и язык, совершенно определенно, уже чесался.

Впрочем, на чужой роток не накинешь платок, как любил говорить инспектор Сольбранд...

Служанка казалась совсем не огорченной тем, что происходило в доме, напротив, она наслаждалась кипением страстей, подозрениями и всеобщим вниманием. Ей посчастливилось раздобыть важную улику – чем не повод для гордости? Авось и в газетах о ней напечатают...

Подобные типажи меня не занимали, так что в монолог девицы я не вслушивалась, пропуская мимо ушей журчание ее слов. Куда интереснее таинственный приворот.

Пока мы пробирались по узким коридорам, я размышляла. Для заклятия вовсе не нужны тринадцать трав, собран-

ных в полнолуние на кладбище, восковые куколки или прочие глупости. Все это лишь дань суевериям, а настоящий приворот – просто рифмованные строки, записанные рунами.

«Любовные песни по нраву Фрейе», – вспомнилось к месту.

Быть может, лукавой богине любви действительно угодны романтические стихи, однако люди смотрят на них совсем иначе. Сентиментальные поэмы вызывают слезы умиления у юных девушек и почтенных матрон, но вплетать в них магию недопустимо.

Мансег (в просторечье приворот) карается весьма сурово, так как, по сути, это насилие. Жертва не сможет сопротивляться власти рифмованных строк, оказываясь из-за них в беспомощном состоянии.

Но для этого не нужно ничего подбрасывать в постель! К тому же сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из прислуги рискнул пронести подобное в дом, даже за солидное вознаграждение. Ведь наказание за приворот – изгнание.

Так рисковать ради того, чтобы увести чужого мужа?! Впрочем, глупость человеческая бесконечна, поэтому все возможно.

Быть может, именно в заклятии кроется причина болезни господина Холлдора? Такое случается при неумелом использовании рун... Однако доктор с уверенностью заявил о мышьяке. Так что эту удобную версию пришлось отбросить.

Тем временем мы, наконец, прибыли.

Распахнув массивные створки двери, девушка поманила меня за собой, поблескивая глазками, словно любопытная мышка.

В центре спальни, на возвышении, царственно располагалась кровать, обрамленная мягкими складками балдахина. Моя провожатая откинула уголок пышной перины, под которой обнаружился небольшой навесной замочек, накрепко запертый. Я осторожно взяла его в руки, игнорируя протестующий писк служанки. Несомненно, подобная вещь никак не могла оказаться здесь случайно.

И верно, на обратной стороне увесистого замочка обнаружился следующий текст:

«Слову мудрому ключ, замок! А поставит она тело в тело, и будет жила твоя мужеская да тайная тверже любого железа, каленого и простого, и всякого камня, морского, земного, подземного. И не падать жиле твоей во веки веков...»

Это небольшое заклятие не подразумевало двоякого толкования!

Надо думать, госпожа Мундиса переборщила, подмешивая мужу мои составы, раз уж тому потребовались такие средства... Видимо, мужская сила господина Холлдора ослабла настолько, что он впал в панику.

Забывшись, я произнесла это вслух и тут же спохватилась.

По округлившимся губкам и горящим глазам служанки было видно, как ей не терпелось оказаться на кухне, чтобы

выложить все подробности прислуге, а потом газетчикам.

– Милая, как тебя зовут? – спросила я, пристально на нее глядя. Разумеется, имя ее я отлично помнила, но тут важен психологический момент.

– Аснё, – пискнула она, теребя передник.

– Замечательно, – кивнула я. – Так вот, Аснё, никто не должен знать, что ты здесь видела. Понятно?

Она послушно кивнула, хоть явно не вняла.

– С твоим женихом может случиться та же беда... – задумчиво заметила я, безразлично отворачиваясь. Впрочем, это нисколько не мешало мне ощутить хлынувший от нее острый металлический запах страха. Иногда очень полезно, что тебя считают всемогущей ведьмой!

– Госпожа, не надо! – взмолилась она. – Я никому не скажу, никому!

– Вот и хорошо, – заключила я и велела: – А теперь проводи меня обратно на кухню.

К моему возвращению у поварихи был готов настоящий пир: холодные сэндвичи с сыром, крепкий кофе (ума не приложу, как она догадалась, что я его люблю), пирожные с кремом, вишневые кексы и имбирные коврижки. Должно быть, она соскучилась по любимому делу и обрадовалась возможности хоть кого-то накормить до отвала.

Все это настолько вкусно пахло, что не было никаких сил удержаться и не попробовать хоть кусочек! Пряная сверкающая корица, сладкая нега шоколада, гладкая нежность ко-

коса, сливочный сыр, леденцовый имбирь – настоящее блаженство для обоняния.

За третьим кексом я принялась расспрашивать добрую женщину:

– Скажите, а когда это случилось, кто прислуживал за столом?

– Я-то и прислуживала, а Аснё помогала, – призналась она, ловко мешая тесто.

Я с одобрением отметила, что она добавила настоящий ванильный сахар, а для цвета – щепотку куркумы.

– Только вы не подумайте, ничего такого не было!

– Но ведь вы подтвердили, что госпожа Мундиса что-то подсыпала вашему хозяину?

Пожалуй, стоило бы погостить здесь неделю-другую, когда эта история закончится. С другой стороны, потом придется опять худеть... Впрочем, лучше неделю наслаждаться лакомствами, а после месяц сидеть на диете, чем лишать себя праздника желудка.

Подумав так, я решительно взяла четвертый необыкновенно вкусный кекс.

– Это Аснё сболтнула! – выдохнула повариха с такой злостью, что сразу стало понятно, почему она так взъелась на девушку. – А «леденцы» и рады-то...

– А что-нибудь показалось вам странным? Может быть, хозяин жаловался на необычный привкус? – спросила я. Лицо поварихи потемнело, и я торопливо объяснила: – Так

можно понять, в каком кушанье содержался яд. Возможно, отрава попала в пищу по ошибке...

Хотя, откровенно говоря, я понятия не имела о вкусе мышьяка.

— Ну я-то вам одно могу сказать: стряпала я все как следует! — провозгласила повариха задиристо.

— Вы действительно очень вкусно готовите, — подтвердила я с чувством, любовно разглядывая ее кулинарные творения. Она разом подобрела, заблагоухала корицей, даже разругалась, сделавшись похожей на одну из своих булочек. — Значит, никто не заметил ничего необычного?

— Нет, они вообще не разговаривали, — покачала головой она. — В ссоре-то были, молчали больше. Только соль там просили передать или еще что... Да еще хозяин хворал последние дни, дурно ему бывало, потом вроде отпускало... А, хозяин говорил еще, мол, как хорошо грибами пахнет, я удивилась — я ж грибов не клала...

— Грибами? — обрадовалась я. — Вы хорошо помните?

— Да, точно так было! — закивала она. — Померещилось ему что-то.

А мне вдруг вспомнилась давешняя сцена: я сосредоточенно отмеряю любисток, а госпожа Мундиса стоит рядом, наблюдает с интересом и спрашивает о старом поверье. Я тогда рассеянно отозвалась, что не зря ведь говорят, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок...

Имелось в виду, что любисток — великолепная приправа,

которая усиливает вкус мяса и делает овощи необыкновенно вкусными.

Возможно ли, чтобы госпожа Мундиса поняла мои слова превратно?

Надо думать, вполне. А ведь любисток придает пище грибной аромат! Хм, но откуда тогда взялся мышьяк?!

Я глубоко вздохнула и поинтересовалась:

– А господин Холлдор весь день провел дома?

– Нет, он перед самым обедом явился. – В звучном голосе поварихи послышались осуждающие нотки: – От этой своей!

– Вы уверены?

– Что от нее-то? Конечно! – фыркнула она. – Он весь такой неопрятный был, зацелованный и растрепанный. Как не стыдно, перед всеми-то! А хозяйка-то как расстроилась, чуть не заплакала...

Она вытерла фартуком увлажнившиеся глаза и взмолилась:

– Госпожа, вы-то знаете, не могла она! Найдите, кто это сделал.

– Непременно найду, – пообещала я твердо.

– Хозяин тоже не верит-то, что это хозяйка! Днем инспектор к нему заявился, допрашивать вроде как. Так хозяин ему так прямо и сказал: мол, не верю, другого виновника ищите! Тот «леденец» аж красный выскочил от него! Вот так-то! – С этими словами она торжествующе помахала пальцем почти у меня перед носом.

Любопытно, весьма любопытно...

– А какие вообще отношения у ваших хозяев?

Прислуга зачастую знает куда больше, чем друзья и родные. Правда, обнаруживать осведомленность не любит.

Повариха поколебалась, но ответила:

– Ну, последние денечки они вроде как в ссоре были-то. А до того... Хозяин жену прям на руках носил... – Она снова огляделась и добавила жарким шепотом: – Не поверите, бывало, из спальни не выпускал, с ума по ней сходил! Прям безумная страсть-то!

У меня дрогнули губы. Видела бы она, какое лицо было у госпожи Мундисы, когда та прибежала искать спасения от столь впечатлившей повариху «страсти безумной»...

Я принялась прощаться.

Кстати, к хозяину дома меня не пустили, сославшись на предписание доктора.

С трудом удалось отказаться от свертков с пирожками, сэндвичами и кексами и пришлось пообещать непременно зайти снова.

Меня торжественно усадили в кэб, благословили на дорожку и помахали вслед...

Уф. Мило, хоть и несколько утомительно.

– Куда ехать, госпожа хорошая? – поинтересовался возница, обдав меня запахом пота и перегара.

– Аптекарский переулок, дом доктора Торольва, – ответила я, дыша ртом.

Он фыркнул, пробормотал себе под нос что-то об изнеженных дамочках и тронул лошадей.

Мерное покачивание кэба на крутых улочках Ингойи, перестук копыт, гортанные выкрики возницы, даже смачные звуки плевков были так знакомы и привычны, что, думая немного поразмыслить по дороге, я незаметно для себя задремала.

Снились мне всякие нелепости. То Ингольв кричал, что я его бессовестно приворожила; то свекор требовал зелье для мужской силы; а потом лично я сыпала в тарелку господина Холлдора (лица его я не видела, но была твердо уверена, что это именно он) некий белый порошок, злорадно при этом хохоча...

Я была рада проснуться от стука в окошко и грубого голоса возницы.

– Приехали, госпожа хорошая, – громко сообщил он.

Рассчитавшись, я выбралась из тесного кэба и с радостью вдохнула свежий солоноватый воздух. Моросил дождик – такой может зарядить на неделю, а я опрометчиво не захватила зонт. Впрочем, идти недалеко, а полы шляпки и добротное пальто защищали от холодных брызг.

Кэб укатил, а я осталась на тротуаре. Аптекарский переулок состоял всего из двух зданий: собственно дома доктора и аптеки, принадлежащей господину Фросту.

К почтенному господину Торольву меня проводили незамедлительно.

Он вкушал послеобеденный отдых, лениво куря трубку и листая книгу, которую при моем появлении поспешно спрятал в ящик стола.

– Ох, здравствуйте, госпожа Мирра. Очень рад вас видеть! Попрощаться, так сказать. Да-да, попрощаться!

Доктор вскочил на ноги и стоял, забавно покачиваясь с носков на пятки и обратно, опираясь маленькими ручками на стол. Он напоминал пингвина: маленький, кругленький, в неизменном темном жилете и белой рубашке, плотно натянутой на солидном брюшке.

– В каком смысле – попрощаться? – начала я, но нас прервали.

Служанка принесла чай, на который доктор посмотрел с плохо скрываемым отвращением. Когда она вышла, он открыл ящик стола, чем-то там пошелестел и извлек небольшую бутылочку коньяка.

– Повод, да-да, есть важный повод! Я решил выйти на покой. Да-да, на покой! – сообщил он со смесью радости и сожаления, с потешной суетливостью наливая коньяк в чай. – Хочу розы растить, за овечками ухаживать. Тоска зеленая, смею вам сказать. Но деваться мне решительно некуда: я совсем ослабел. Я старик. Да-да, старик!

– Ну что вы, – возразила я. – Вы еще многим молодым фору дадите.

– Ах, госпожа Мирра, не утешайте старика. Да-да, старика! – расчувствовался доктор. – Я не оставлю старых паци-

ентов, но остальным придется рассчитывать на вас, аптекаря Фроста и нового доктора... Да-да, нового!

– В Ингойю приезжает новый доктор? – удивилась я, принимая из его рук чашку.

Мало желающих переехать в самую северную столицу мира (а Ингойя действительно носит этот почетный титул, хоть и является столицей всего лишь острова). Тем паче среди переселенцев немного людей образованных и солидных – таких и в родных местах ценят. С другой стороны, местные тоже не стремились в другие страны, даже ради учебы. Выпускников единственного Хельхеймского университета отчаянно недоставало на все городки и поселки, поэтому на всю Ингойю из лекарской братии имелся только доктор Торольв, аптекарь Фрост и в определенном смысле я сама.

– Да-да, буквально на днях.

– Как жаль, – непритворно опечалилась я.

– Надеюсь, мой преемник окажется славным парнем. Да-да, славным парнем!

Я неопределенно пожала плечами – перемены всегда не слишком приятны – и решила говорить по существу:

– Доктор, а вы совершенно уверены, что господина Холлдора отравили?

– Несомненно! Да-да, несомненно, – отвечал он, тщательно протирая пенсне и привычно покачиваясь с носков на пятки и обратно. Пахло от него лимоном – уверенностью. – Сам он ничего сказать не смог, но, видите ли, проба

Марша...

Закончить ему не дали: дверь приоткрылась, в щель заглянул взволнованный секретарь и застрекотал что-то о срочном вызове.

Привычный к странной манере разговора своего секретаря, доктор с минуту слушал, потом вскочил, торопливо схватил медицинский чемоданчик и ринулся к двери. Только на пороге он вспомнил обо мне:

— Ох, госпожа Мирра, мне, право, неловко... Да-да, неловко. Простите меня, безотлагательное дело! Вы придете в другой раз или обождете здесь? Уверяю, это ненадолго. Да-да, ненадолго. О чем я? Ах да, мы с вами говорили о пробе Марша. Вот, у меня на столе новейший журнал, там есть статья, почитайте сами... Да-да, почитайте! А я вскорости вернусь...

Не дав мне даже слова сказать, почтенный доктор выскочил из кабинета.

Мне оставалось только взять предложенный журнал, лежащий чуть в стороне от стопки других.

Надо думать, доктор внимательно следил за новейшими веяниями в медицине, если выписывал с материка такую кипу литературы. Отыскать статью об отравлениях мышьяком удалось без труда. Действительно, весьма похоже, что несчастного господина Холлдора накормили этим ядом...

Не было решительно никаких соображений о том, кто, кроме госпожи Мундисы, мог покушаться на жизнь ее мужа.

Тут я добралась до любопытных фактов, изложенных в самом конце. Наряду с данными о безопасной для человека дозе мышьяка и сообщением, что он широко применялся стеклодувами и позволял придавать стеклу разную степень прозрачности, там содержались еще более интересные сведения...

Я отложила в сторону журнал. В этой темной истории наконец забрезжил свет! Расследование – будто клубок ниток, тут главное, найти кончик и суметь за него потянуть.

Все стало на свои места, но едва ли это можно считать моей заслугой, тут скорее невероятное везение и немножко внимательности. Просто полиция наверняка даже не удосужилась проверить другие версии! Обрадованный идеей моей причастности к отравлению, инспектор Бернгард ухватился за нее обеими руками...

Что ж, ему придется за это поплатиться!

За следующую четверть часа я успела хорошенько протудировать статью. Оставалось прояснить один немаловажный момент, для чего пришлось дожидаться доктора Торольва.

Едва он появился на пороге, я выпалила:

– Доктор, а могло ли случиться так, что мышьяк господин Холлдор принял не во время обеда, а, скажем, за час до того?

Господин Торольв взглянул на меня с немым удивлением, снял пенсне и принялся тщательно протирать стекла.

– Да-да, могло. Если он регулярно потреблял небольшие

дозы... Да-да, небольшие. Между нами говоря, и в этот раз мышьяка было совсем немного. Накопление, видимо... Но сейчас пациент уже уверенно пошел на поправку!

— Благодарю вас, доктор! — Я улыбнулась и встала. — Позвольте ненадолго позаимствовать этот журнал?

— Ах, разумеется. Да-да, разумеется, — недоуменно моргая, тотчас согласился почтенный доктор.

— Кстати, а вы кому-нибудь давали этот номер?

— Разумеется. Да-да, разумеется. Господин Фрост регулярно берет мои книги и журналы. У нас с ним договоренность, да-да, договоренность.

— Благодарю вас, доктор!

Я готова была его расцеловать: любезнейший доктор подтвердил все мои догадки.

Секретарь господина Торольва вызвал мне кэб — уже третий за этот день.

Куда теперь? Надо бы сообщить полиции о результатах моего небольшого расследования, ведь я никак не могла сама обыскать дом и допросить причастных...

«Волка ноги кормят», — вспомнилась фраза инспектора Сольбранда, и я решительно велела извозчику править в ИСА.

У тускло-серого дома, двери которого были окрашены краской веселенького кроваво-красного оттенка (такого же, как и фонари на примыкающей улице), я спешила и решительно позвонила.

Никто не чинил мне препятствий, и вскоре я вошла в жарко натопленную комнату.

Инспектор как раз подбрасывал уголь в камин. Здесь, на острове, деревьев слишком мало, так что не каждый может позволить себе роскошь топить дровами. К сожалению, уголь сильно чадит, и черный налет оседает на обстановке, придавая ей мрачные тона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.